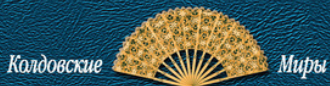

Калдовские

Миры

В ПОЛУШАГЕ ОТ ЛЮБВИ

Ольга Куно

Ольга Александровна Куно

В полушаге от любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9577098
Куно, Ольга. В полушаге от любви: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-79527-7

Аннотация

В хитросплетении дворцовых интриг леди Инесса Антего чувствует себя, как рыба в воде, недаром она – первая фрейлина сестры герцога. Ради своей госпожи она готова на всё. Сорвать нежеланную свадьбу? Не вопрос. Тайно вывести из покоев любовника? С лёгкостью. Выкрасть компрометирующий герцога портрет? Пожалуйста. Трудность заключается только в одном: лорд Кэмерон Этли, против которого Инессе приходится вести игру, умён, хитёр и... чертовски красив. Как соблюсти интересы госпожи, одновременно оставшись верной себе? В особенности если учитывать, что от ненависти к противнику до любви – всего лишь полшага?

Содержание

Пролог	5
Часть I	27
Глава 1	27
Глава 2	50
Глава 3	73
Глава 4	93
Глава 5	122
Часть II	140
Глава 6	140
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Ольга Куно

В полушаге от любви

*Эта книга посвящается моему отцу,
Александру Куно, который научил меня тому, как
важна самореализация, и всегда помогал развивать
мои способности*

*Вы ненавидите меня так страстно,
В полушаге стоя от любви.
Канцлер Ги. «R.R.»*

© Куно О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

*Между капризом и вечной любовью разница та,
что каприз длится несколько дольше.*

Оскар Уайльд

Страстные объятия, жадные поцелуи, томные стоны. Два обнаженных тела, безудержно рвущиеся к близости. Длинные занавески балдахина, закрепленного под самым потолком, отдернуты, дабы никоим образом не стеснять движений любовников. Белоснежная накрахмаленная простыня, украшенная вышивкой с весьма фривольным рисунком, сбилась в самый угол кровати, обнажая волосяной матрас. Другая простыня, вместе с одеялом, и вовсе съехала на пол. На кровати, помимо разгоряченных тел, осталась лишь россыпь из семи подушек разнообразной формы, два чулка – один мужской и один женский, – да нижняя юбка с воланом, случайно зацепившаяся за край изголовья.

Такой беспорядок никак не диссонирует с атмосферой роскошного и чисто убранного будуара. Вооруженный луком со стрелами бог любви, по-детски пухленький и розовощекий, одобрительно взирает на происходящее с украшающей потолок фрески. Дорогие фарфоровые статуэтки, изображающие обнаженных женщин и соединившиеся в объятиях пары, не менее позитивно настроены. Каждая деталь интерье-

ра свидетельствует о чувственности хозяйки будуара и одновременно о ее тонком вкусе и отличном знании всех нюансов переменчивой моды.

Она – высокая, изящная, обладательница светлой, тщательно ухоженной кожи, бледность которой, столь модная в высшем свете, поддерживается при помощи всевозможных мазей и прочих средств. Роскошные огненно-рыжие волосы с трудом удерживаются в рамках, накладываемых сложной высокой прической. Он – красавец-брюнет с правильными чертами лица, карими глазами и ямочками на щеках. Они одержимы друг другом, не наблюдают часов и не замечают ничего вокруг.

И вот внезапно короткий стук в дверь разрывает эту идиллию. Более того, стучащий даже не удосуживается дождаться, пока на его призыв хоть что-нибудь ответят. Вместо этого, едва известив о своем появлении, в комнату входит молодая женщина в пышном синем платье с фиолетовыми оборками. Энергично стуча каблучками, она без малейших признаков смущения приближается к кровати.

В первый момент с уст рыжеволосой красавицы срывается весьма колоритное ругательство, однако, узнав вошедшую, она сразу же успокаивается. Мужчина менее благодушен. Он резко отстраняется, заставив партнершу поморщиться в момент, когда разъединяются их тела, и, тщетно ощупывая матрас в поисках одеяла или простыни, восклицает:

– Кто это?! Разве сюда можно входить без разрешения?!

Я лишь равнодушно кривлю губы в ответ. Мне никогда не нравился этот парень, хоть я и стараюсь не подчеркивать этого лишний раз в разговорах с хозяйкой будуара.

– Ей – можно, – отвечает женщина, глядя на меня в ожидании.

Мое лицо принимает предельно серьезное выражение.

– Сюда направляется герцог Альмиконте.

– Мой брат?! Черт! – воскликнула дючесса¹ Мирейя Альмиконте, вскакивая с кровати. – Как он пронюхал?

– Стало быть, кто-то настучал, – безразлично пожалала плечами я. Сейчас следовало разбираться не в причинах возникновения проблемы, а в способах ее решения. – Потом его вычислим.

– А что же делать? – растерянно спросил мужчина.

Лицо его было белым как мел. Даже удивительно, что он умудрился побледнеть настолько быстро.

– Одеваться, быстро! – распорядилась Мирейя, выходя из кратковременного оцепенения.

Оба бросились искать свою одежду. Задача оказалась нетривиальной, учитывая, что предметы гардероба были разбросаны по всей комнате. Я принялась поспешно поднимать с пола женскую одежду, начисто игнорируя мужскую.

– Спрятать его где-нибудь?

Мирейя обращалась исключительно ко мне. Ее любовник

¹ Дючесса – титул дочери герцога.

лихорадочно натягивал на себя рубашку. В спешке надел ее задом наперед, пришлось снова снимать и начинать процесс по новой. Я наблюдала за его метаниями с легкой ноткой безгливости. Совершенно очевидно, что репутация герцогской сестры тревожила его в последнюю очередь. Беспокоился парень исключительно о собственной шкуре. Некоторым образом я могла его понять: наш герцог бывает весьма суров. С другой стороны, думать следовало раньше, прежде чем стремиться в постель к женщине, занимающей столь высокое положение в обществе.

– Не получится, – возразила я, помогая Мирейе одеваться. – Если бы герцог был один, мы могли бы рискнуть. Но с ним лорд Кэмерон Эстли, а этот человек слишком дотошен. Наверняка распорядится, чтобы обследовали все углы.

– Что же делать? – Растерянный взгляд девушки заскользил по будуару. – Может быть, в окно?

– Как в окно?! – выдохнул кавалер. – Да здесь же высоко! Третий этаж! – возмутился он.

Возмутился справедливо. Во-первых, покои Мирейи действительно располагались на третьем этаже, а во-вторых, потолки второго этажа были чрезвычайно высокими, в результате чего окна будуара оказывались совсем уж далеко от земли. Однако вслух я сказала совсем другое:

– Ну и что с того, что высоко? Идея все равно хорошая.

– Так я же разобьюсь! – не унимался он.

Я и бровью не повела.

– Ну и что? Полагаете, труп будет замечен из окна и скомпрометирует леди Альмиконте? Так мы можем забросать его каким-нибудь тряпьем.

Пока кавалер беззвучно открывал и закрывал рот в приступе праведного возмущения, Мирейя неодобрительно покачала головой, сдерживая улыбку.

– Несси, сейчас не до шуток! Как нам быть?

Сестра герцога повернулась ко мне спиной, чтобы я могла ей облачиться в корсаж.

– Я об этом думаю.

Хороших идей, однако, покамест не возникало, и я решила порассуждать вслух:

– Выходить из покоев ему нельзя. Когда я шла сюда, видела снаружи двух соглядатаев. Думаю, Эстли прислал их, чтобы караулили, пока герцог будет собираться. Ни один мужчина незамеченным не пройдет...

Я замолчала и щелкнула пальцами, ловя за хвост ускользающую мысль. Ни один мужчина... Но то ли дело женщина?

– Раздевайтесь! – решительно заявила я, указывая пальцем на вконец ошарашенного любовника.

– З-зачем? – не понял он.

– Раздевайтесь, вам говорят! – настойчиво повторила я. – Мы выведем вас отсюда в женском платье, под видом одной из фрейлин. Ваша светлость, надеюсь, вы не будете возражать, если молодой человек позаимствует кое-что из вашей одежды?

– Не буду, – поддержала меня Мирейя.

Я в ее ответе не сомневалась и потому уже успела пройти к двери. Приоткрыв ее, кликнула камеристку:

– Эмма! – и поторопила ее призывным жестом.

Эмма была, возможно, единственной служанкой, доверяя которой Мирейя могла всецело и без оглядки. Нет, прислугу дючесса вообще подбирала тщательно и подозрительных и нелояльных людей старалась подле себя не держать. Однако Эмма, сорокалетняя горничная, давно уже служившая во дворце, была предана своей госпоже, как никто. Если бы Мирейя собралась резать несколько девственниц и приготовить коктейль из их крови, Эмма, не задумываясь, согласилась бы стоять на стреме.

– Госпожа, – камеристка присела в коротком реверансе.

– Нам нужно превратить этого обаятельного молодого человека в леди, – обозначила фронт работ я. – Необязательно молодую и обаятельную, главное – быстро. Понадобится белье, туфли и какое-нибудь старое платье, как можно более закрытое.

Послушно кивнув, Эмма скрылась в соседней комнатке, выполнявшей функцию гардероба. Вернулась она действительно очень скоро, прижимая к груди охапку извлеченной второпях одежды.

Пока Мирейя с моей помощью наводила последние штрихи в собственном наряде, камеристка облачила молодого че-

ловека в легкую камизу² телесного цвета. Этот этап прошел без сучка, без задоринки, но дальше задача усложнилась.

– Ай! – вскрикнул мужчина. – Что это такое?

– Это корсет, – услужливо проинформировала его я.

– Я в курсе, как выглядит корсет! – огрызнулся он. – Просто не думал, что это настолько неудобно.

– Что ж, поздравляю вас, – расплылась в улыбке я, одновременно окидывая критическим взглядом одеяние Мирейи и разглаживая оборки на ее платье. – Вы получили редкую возможность узнать не только как выглядит красивая женщина, но еще и что она при этом чувствует.

– Но я совершенно не могу дышать! – воскликнул он.

– Можете, судя по тому, как хорошо вам удастся с нами разговаривать.

Разжалобить меня оказалось делом непростым.

– А может, все-таки обойдемся без него? – предпринял последнюю попытку молодой человек, с ненавистью глядя на обсуждаемый предмет одежды.

– Не обойдемся. – Я была сурова, как сама судьба. – Во-первых, без него платье не будет сидеть. А во-вторых, корсет поможет создать у вас видимость груди. А вот этого не надо! – обратилась я уже к Эмме, взявшей в руки тонкую рубашку без рукавов, какие обычно надевали поверх корсета под закрытые платья. – Переходи сразу к платью, а то они могут появиться в любую минуту.

² Камиза – нижняя рубашка, аналог современной комбинации.

Нижнюю юбку, платье и шелковые чулки надели благополучно. С туфлями оказалось сложнее: ножка Мирейи, хоть и не была миниатюрной, стопе молодого человека все-таки уступала. Какое-то время мы пытались с пыхтением и стонами запихнуть его лапищу в элегантную туфельку, будто мачеха Золушки, изо всех сил старающаяся сосватать принцу свою родную дочь. Но эту затею быстро пришлось оставить. В конечном итоге Эмма принесла откуда-то из недр гардероба туфли значительно большего размера, оставшиеся от одной из фрейлин, и в них ногу любовника удалось уместить.

Мужчина поднялся со стула – и застыл, широко расставив ноги и согнув их в коленях.

– И что вы хотите сказать этой позой? – подозрительно осведомилась я, изо всех сил стараясь не покатиться со смеху.

– Каблуки! – прошипел он.

– Да? Каблуки? – Я вопросительно смотрела на него, ожидая продолжения.

– Почему они такие высокие?

– Потому что так модно, – отозвалась я.

– Ладно, а неустойчивые-то такие почему? – не унимался любовник, не торопясь распрямлять ноги.

– А это чтобы пробудить в мужчинах желание окружить нас опекой и подхватить, если мы оступимся, – посвятила его в маленькую женскую тайну Мирейя.

Судя по кислому виду молодого человека, его идея быть

подхваченным каким-нибудь посторонним мужчиной не прельщала. Впрочем, меня теперь в первую очередь интересовали его волосы. Которые никуда не годились.

– Эмма, принеси, пожалуйста, какой-нибудь старый парик, – попросила я. – Надеюсь, несколько штук завалялись где-нибудь в сундуке.

– Парики уже давно не носят, – засомневалась Мирейя.

– Некоторые носят, – возразила я.

– Только старые кошелки вроде баронессы Реге, – поморщилась девушка.

– Ну и ладно. Пускай его примут за старую кошелку. Лишь бы выпустили отсюда.

Усадив мужчину перед собой на стул, я вооружилась кисточками и принялась работать над его лицом. Он ответил на заботу черной неблагодарностью, практически сразу же громко чихнув.

– Терпите, красота требует жертв! – оптимистично заявила я. – И скажите спасибо, что отец нынешнего короля издал в свое время закон, запрещающий использование белил. Многие дамы возненавидели его за это лютой ненавистью. Поговаривают даже, что именно из-за этого указа его любовница покушалась на его жизнь.

– А почему он издал такой закон? – заинтересовался любовник.

– Потому что придворный алхимик просветил его на предмет состава этих самых белил, – блеснула знаниями я,

быстро работая кисточками. – Выяснилось, что белила содержат свинец, который, в свою очередь, пагубно сказывается на здоровье. И за недолговечную красоту знатные дамы платили собственной жизнью.

За это время я успела худо-бедно наложить на лицо любовника Мирейи толстый слой пудры, а затем румяна.

– Весьма поучительная история, – заметила Эмма, выходя из гардероба с париком в руке.

Белые кудри выглядели совершенно неестественными, но в свое время они, как и белила, отдавали дань ветреной и порой жестокой моде.

– Зато парики совершенно безопасны, – утешила молодого человека я. И, водрузив на него парик, принялась рассматривать результат. – Пожалуй, чего-то еще не хватает, – пробормотала я вполголоса. – Может быть, серьги?

– Так у меня же уши не проколоты, – удивился парень.

– Ну и что? Можем прямо на месте проколоть, – не стала отчаиваться я.

Юноша шарахнулся от меня прочь, и Мирейя, испытывавшая к нему чувство сострадания, внесла альтернативное предложение:

– Может быть, клипсы?

– А что такое клипсы? – подозрительно нахмурился любовник.

– Клипсы – это такие кандалы для ушей, – улыбаясь, сообщила я.

– Несси! – укоризненно воскликнула Мирейя.

– Но я же говорю чистую правду!

– Вообще-то в чем-то ты права, – поразмыслив, призналась она и виновато взглянула на мужчину.

Впрочем, тратить время на поиски украшений я сочла нецелесообразным. Несколько последних штрихов – и образ закончен.

– Ну как? – Мой вопрос был обращен в основном к Мирейе.

– Отлично! – расплылась в улыбке она. – Никто ничего не заподозрит.

– Хотелось бы на это надеяться. – Я рассматривала плоды своих трудов более критичным взглядом. – Что ж, лучше все равно не успеем. Мы пойдем и постараемся разминуться с герцогом, а вы избавьтесь от его одежды.

Эмма засуетилась, поднимая с пола брюки, сюртук и прочее, я же подтолкнула любовника к двери.

– Главное – не споткнитесь, когда мы будем идти по первому коридору, – тихо инструктировала я. – Старайтесь ни с кем не встречаться взглядом. Если нам придется разойтись, сверните направо и спуститесь по служебной лестнице на два этажа. Вы знаете то место. Мы пришлем кого-нибудь, кто поможет вам дальше.

Наше внимание привлек шум шагов, приближающийся с противоположного конца коридора. С инструктажем я успела в самый последний момент. Ибо шансов разминуться с

направлявшейся к покоем Мирейи четверкой у нас не оставалось.

Двое из приближавшихся к нам людей были не более чем слугами, исполнителями, и потому сами по себе они мало меня тревожили. Зато двое других могли создать массу проблем, и я даже не знаю, которого из них следовало считать более опасным.

Герцог Конрад Альмиконте, вдовец тридцати четырех лет, имел властный и довольно-таки мрачный облик. Обладая средним ростом и не слишком внушительной комплекцией, он был весьма широк в плечах, что придавало его виду ощущение некоторой дисгармонии. Его глаза имели настолько темный оттенок, что казались почти черными. Резкие черты лица, властная линия губ с уголками, чуть изогнутыми книзу, квадратный подбородок. Волосы – не рыжие, как у Мирейи, а темно-коричневые, – завиты в соответствии с нынешней модой.

Рядом с герцогом шагал лорд Кэмерон Эстли, унаследовавший титул графа от отца и титул барона от дяди, человек, пользовавшийся во дворце огромным влиянием. Правая рука Альмиконте со всеми сопутствующими такому положению правами и привилегиями. Он занимался самыми разными делами в интересах герцога, и навряд ли я имела представление даже о трети тех сфер, на которые распространялось его влияние. Впрочем, и в тех вопросах, что имели отношение к моим обязанностям, мне его вмешательства хва-

тало с лихвой.

Лорд Эстли – тридцать два года, холостяк – был существенно выше герцога, хотя не мог похвастаться той же шириной плеч. Шею прикрывал собранный из темных волос хвост, темно-серые глаза смотрели пронзительно, будто их обладатель всех и вся подозревал в том или ином преступлении и намеревался раскрыть его при помощи взгляда. Худое лицо овальной формы, прямой нос, высокие скулы, он умел быть обаятельным и – что гораздо хуже – умел пользоваться этим обаянием в своих целях. Правда, со мной прибегнуть к этому средству манипуляции не пытался, благо хорошо знал, что номер не пройдет.

Едва они приблизились, я остановилась и склонилась в реверансе. К счастью, любовник Мирейи не растерялся и тоже изобразил некое подобие реверанса. Довольно неуклюжее, но в полутьме коридора сгодилось, тем более что герцог быстро прошел мимо нас, даже не считая нужным кивнуть в знак приветствия. Его можно было понять. Герцог часто злился на сестру, но с ней его связывали хоть какие-то родственные чувства. А вот для первой фрейлины Мирейи, помогающей своей госпоже в делах, зачастую совершенно неугодных Конраду Альмиконте, оставалась в лучшем случае холодная антипатия.

Слуги проследовали за герцогом в покои Мирейи, а вот лорд Эстли задержался. Он, в отличие от своего господина, поприветствовал меня кивком, вполне соответствующим

нормам этикета. Я бы, однако же, предпочла, чтобы он повел себя менее галантно. Поскольку чем дольше мы оставались в его обществе, тем выше становился шанс, что он раскусит мою спутницу и определит, что в действительности это не спутница, а спутник. В уме и наблюдательности Кэмерону Эстли не откажешь, за что я порой была готова люто его возненавидеть. Следовало взять ситуацию под контроль.

– Лорд Кэмерон! – Я изобразила на лице радостную улыбку. – Вы позволите перекинуться с вами парой слов?

Я протянула ему руку и одновременно прощально наклонила голову, глядя на любовника Мирейи. Тот, к счастью, все понял и поспешил удалиться. Я же повела взявшего меня под руку Эстли в противоположном направлении, к двери, за которой совсем недавно исчез герцог.

– Какими судьбами? Что привело вас в столь странный час на женскую половину? – осведомилась я, изображая искреннее недоумение.

– Вы ведь видите: я всего лишь сопровождаю герцога, – откликнулся он.

Ну да, конечно. Всего лишь сопровождает. Я была готова поспорить: это его шпионы пронюхали про свидание Мирейи, именно ему первому сообщили эти сведения, и именно он подал Конраду Альмиконте идею нагрянуть сюда и застать сестру «на горячем». Ведь это такой чудесный способ заставить ее впоследствии плясать под дудку герцога. Можно шантажировать ее, к примеру, ссылкой в монастырь как

опозорившую честь рода.

Я, однако же, не позволила гневу отразиться на выражении своего лица.

– По-видимому, герцог пожелал навестить свою сестру? – высказала предположение я.

– Вы буквально зрите в корень, леди Инесса.

– Но в таком случае он мог бы заранее предупредить ее о визите. Вы не находите? – Я наивно похлопала глазками, стараясь компенсировать таким образом жесткость, успевшую прозвучать в моем тоне.

– Мог бы, – с легкостью согласился лорд Эстли. – Однако, – налет приветливости в его глазах сменился обжигающим холодом, – этот дворец принадлежит герцогу. А стало быть, он вправе входить в любое помещение в любое время, как с предварительным предупреждением, так и без оного. Вы не находите?

Я выдернула свою руку. Развернувшись лицом друг к другу, мы остановились возле самых дверей, ведущих в покои Мирейи.

– Конечно же, он имеет такое право, – спокойно, но не менее холодно ответила я. – По закону. А вот правила хорошего тона требуют несколько иного.

– Хотите поговорить с герцогом о правилах хорошего тона? – не моргнув глазом, осведомился Эстли. – Я могу вам это устроить. Желаете, чтобы я позвал сюда герцога прямо сейчас?

Я против воли скрипнула зубами. Этот мерзавец ненавязчиво указал мне на мое место. Дескать, где я – и где герцог. Я нахожусь на территории Конрада Альмиконте, живу в его дворце и, служи я хоть тысячу раз Мирейе, по сути являюсь именно его, герцога, подданной. И при желании он всегда может мне об этом напомнить.

Узнаю Кэмерона Эстли. Он обожает ставить людей на место. Что ж, это его привилегия. Зато я в очередной раз сумела обвести его вокруг пальца. Человек, одетый в женское платье и парик, давно уже скрылся за поворотом. Это меня приободрило, позволив с достоинством проглотить неприятную пилюлю.

– Что вы, я и не думала осуждать герцога. – Мои губы изогнулись в неискренней улыбке. – Просто я опасаясь, что леди Мирейя может оказать ему недостаточно теплый прием. Она терпеть не может сюрпризов.

– Вот и увидим, какой прием она ему окажет, – заявил Эстли, бросив взгляд на двери. Потом посмотрел на меня, будто пытался догадаться, что у меня на уме. Должно быть, подумал, что я специально задерживаю его на пороге, дабы подольше не давать войти внутрь. Однако, учитывая, что герцог со слугами уже в будуаре, особых причин для такого маневра тоже не находил. – Бросьте, леди Инесса. – В его голосе слышались чуть более живые нотки, чем до сих пор. – Я, конечно, понимаю и где-то даже уважаю вашу преданность своей госпоже. Но музыкант в любовниках! – Он

выразительно поморщился. – Согласитесь, что это перебор даже для леди Мирейи.

– А вам не кажется, – подаваясь вперед, парировала я, – что это ее личное дело?

Эстли выразительно вздохнул, словно сетуя, что приходится объяснять глупой женщине в моем лице прописные истины.

– Леди Инесса, личные дела могут быть у вас. Вы – самостоятельная женщина, не обремененная частым общением с родителями. Личные дела могут быть у меня. Но у Мирейи Альмиконте личных дел быть не может. Она принадлежит к слишком знатному для этого семейству. Любая ее оплошность ложится несмываемым пятном на весь род Альмиконте и подрывает авторитет ее брата. К тому же до вступления в брак она находится под опекой герцога. Это само по себе исключает существование так называемых личных дел.

Ну да, разумеется. Весьма удобная логика, дающая брату право беспрепятственно манипулировать сестрой.

– Вам виднее, милорд. – Я скромно склонила голову. – Постойте! – Я снова взглянула на него, расширив глаза. – Неужели вы подумали, будто у леди Мирейи в данный момент находится любовник?!

Я изобразила на лице такое изумление, словно озвученная мысль впервые пришла мне в голову. Как будто мы только что не разговаривали именно об этом почти открытым текстом.

– У леди Мирейи, безусловно, находится любовник, – ото-звался Эстли, всем своим видом демонстрируя, что не купился на мою игру. – И вы можете сколько угодно заговаривать мне зубы, удерживая на этом месте. Ситуация от этого не изменится.

– Лорд Кэмерон, – я обнажила зубы в улыбке, немного на-поминающей оскал, – я, конечно, понимаю и где-то даже ува-жаю вашу преданность своему господину. Но поверьте мне: никакого любовника у леди Мирейи нет.

Он посмотрел на меня, прищурившись, затем распахнул дверь и вошел в покои. О такой мелочи, как пропустить да-му вперед, не позаботился. Но ничего, я не обидчивая. И, конечно же, шагнула за ним следом.

Мирейя полулежала в удобном шезлонге и из-под полу-прикрытых век наблюдала за братом, который возвышался над ней, подобно истукану. Вызвать в сестре угрызения сове-сти или по меньшей мере румянец стыда ему явно не удава-лось. Судя по раздававшимся из соседних комнаток звукам, слуги старательно пытались отыскать в будуаре любовника, исследуя с этой целью одно помещение за другим: спальню, гардероб, ванную.

– А, леди Инесса, – произнесла Мирейя, по-прежнему держа глаза полуприкрытыми. При посторонних она обра-щалась ко мне более официально, чем с глазу на глаз. – Про-ходите, присаживайтесь. Кажется, это надолго.

Стоит ли уточнять, что на появление Кэмерона Эстли она

не отреагировала вовсе.

Скромно склонив голову, я присела на краешек белой с зеленым узором банкетки.

Кэмерон подошел к герцогу. Тот бросил на своего помощника обеспокоенный взгляд. Уже становилось вполне очевидно, что любовника в будуаре не найдут. Кэмерон нахмурился, отлично понимая, что что-то здесь нечисто. И принялся внимательно оглядывать комнату. Затем неспешно подошел к окну, отдернул штору, выглянул наружу.

«Хорошо, что мы не остановились на варианте выпадения любовника из окна, – подумала я. – Сейчас бы он обнаружил труп и наверняка подумал бы что-нибудь нехорошее».

Меж тем люди, отправленные герцогом на обыск, вернулись ни с чем. На лице Конрада Альмиконте заиграли желваки. Он гневно посмотрел на сестру, но та ответила ему спокойным, невинным взглядом.

– Не желаете ли чаю, господа? – тоном приветливой хозяйки осведомилась она. – Одна повариха-иностранка поставляет мне потрясающее клубничное варенье. Рецепт она не раскрывает никому. И еще эти, как их... Запомняла. – Она щелкнула пальцами и повернулась ко мне.

– Баранки, – подсказала я.

– Да-да, баранки, – подхватила Мирейя. – Забавное такое название. К баранам не имеет никакого отношения. – Произнося название животных, она как-то уж очень внимательно взглянула на мужчин. – Это такая выпечка. На Востоке поль-

зуется большой популярностью. Хотите, велю их подать?

— Благодарю вас. — По тону герцога несложно было понять, что это отказ. — Отчего у вас такой беспорядок на кровати?

Разобраться с постелью и правда не успели; единственное, что Эмме удалось сделать на скорую руку, так это поднять одеяло и простыню с пола.

— Горничная как раз собиралась постелить новое белье, — спокойно откликнулась Мирейя. — Уж простите, дорогой брат, но мы же не знали, что вы именно сейчас осчастливите нас своим визитом.

Я постаралась спрятать улыбку. Герцогу Альмиконте все-таки преподали урок хороших манер и обошлись в этом без моей помощи. Я искоса взглянула на Этли. Он продолжал осматриваться; губы были плотно сжаты. Внезапно граф шагнул к кровати и, не побоявшись замарать брюки, опустился на колени. После чего нагнулся и самолично извлек из-под днища мужской сапог.

Мирейя встрепелась, однако тут же поспешила взять себя в руки. Я прикусила губу. Видимо, спешно избавляясь от мужских вещей, Эмма просто не заметила эту деталь.

Этли повертел находку в руках — и как только не брезговал?

— И что же это такое?

Он обращался отчего-то не к Мирейе, а именно ко мне.

— Сапог, — ответила я, глядя на него кристально честными глазами.

– Сапог, – повторил за мной лорд Кэмерон. На его губах заиграла слабая усмешка. – И что же он здесь делает?

– Это мой сапог, – решительно заявила я.

– Ваш? – Улыбка графа стала чуть шире. – Мужской сапог?

– Мужской, – подтвердила я таким тоном, будто это само собой разумелось.

Вопросительный взгляд Эстли требовал объяснений, и я не стала его разочаровывать.

– Нет, я, конечно же, этот сапог не ношу. Но именно я принесла его в покои леди Мирейи. Видите ли, он нам понадобился для... для самовара.

– Для чего? – переспросил герцог.

– Для самовара, – охотно повторила я. – Это такой аппарат для приготовления чая. Помните, леди Мирейя упоминала иностранную повариху? У них на Востоке в ходу такие устройства. Не знаю, насколько это удобно, но госпожа интересуется всякими диковинками, вот мы и решили найти мастера, который изготовит такую штуку.

– Все это звучит просто чудесно, – перебил меня лорд Кэмерон. – Не подскажите, при чем же тут сапог?

– То есть как? – Я всплеснула руками, якобы шокированная такой необразованностью. – Разве вы не знаете? Сапоги используются для растопки. Не верите?

Взгляды мужчин даже тени сомнения не оставляли: не верят. Я укоризненно покачала головой.

– Ну хорошо, сейчас я вам докажу.

Я принялась рыться в нижнем ящике комода, где завалялось несколько брошюр, которые мы с Мирейей просматривали иногда на ночь глядя. В одной из них описывались обычаи разных стран, вот там-то я и почерпнула сведения, оказавшиеся сегодня как нельзя более уместными. Лишнее свидетельство того, что образованность может принести пользу в самых неожиданных ситуациях.

Достав нужную книжку, я пролистнула несколько страниц и торжествующе протянула ее лорду Кэмерону. На открытой мною иллюстрации был изображен пузатый самовар с самым настоящим сапогом, надетым на трубу. Глаза графа округлились, губы снова плотно сжались. Он продемонстрировал картинку герцогу, после чего вернул брошюру мне.

– Что ж. – Герцог шагнул к выходу, не скрывая собственной злости. – Не буду вас больше задерживать.

Бросив на меня последний испытывающий взгляд, лорд Кэмерон последовал за ним. Я проводила этих двоих, не столько из вежливости, сколько желая убедиться, что они действительно уйдут.

В последнюю секунду Эстли остановился и резко развернулся ко мне.

– Когда-нибудь вы доиграетесь, – понизив голос, сообщил он.

– Вот тогда и поговорим, – откликнулась я, сопровождая свои слова вежливой улыбкой.

Часть I

Глава 1

*Танцы – это вертикальное выражение
горизонтального желания.
Бернард Шоу*

Я поудобнее устроилась в кресле, с интересом разглядывая вереницу танцующих. Музыканты играли вальс, второй танец на сегодняшнем балу. Первым традиционно был полонез, в котором надлежало принять участие всем гостям без исключения. Список партнеров составлялся заранее; если кавалер желал получить первый танец с определенной дамой, он ангажировал ее за неделю до бала, а то и раньше, дабы удостовериться, что его не опередит какой-нибудь соперник. Мой случай был несколько иным: я танцевала с виконтом Леоном Широ, с которым мы состояли в ровных приятельских отношениях. Нас не связывали сильные эмоции – ни положительные, ни отрицательные, – так что танец прошел спокойно, ко взаимному удовольствию. Едва стихли последние ноты, Леон проводил меня к креслам, расставленным для удобства гостей, а сам отправился играть в карты за одним из приготовленных для этой цели столиков.

И вот теперь я расслабленно наблюдала за танцующими парами. В этом сезоне в моду вошли пастельные тона, поэтому в женских платьях преобладали такие цвета, как розовый, желтый, слоновая кость, нежно-голубой. Как и положено на балу, платья были роскошные. Пышные за счет нижних юбок с воланами, украшенные цветными оборками по краям, а также кружевами и бантами. На тканях – орнамент, изображающий различные цветы. Из-за обилия украшений на платьях броши и ожерелья практически вышли из моды. Узкие рукава расширились к локтю. Высокие прически, украшенные перьями, сами по себе напоминали произведения искусства.

С мягкими оттенками женских платьев приятно контрастировали более темные и сочные цвета мужских камзолов. Здесь преобладали насыщенный синий, темно-зеленый и фиолетовый. Цвета жилетов были более невзрачны, и хорошо, ибо в противном случае наши мужчины напоминали бы попугаев. Из-под верхней одежды выглядывали воротники и манжеты белоснежных рубашек.

Я немного понаблюдала за тем, как грациозно кружится в танце Мирейя со своим новым партнером. Ну что ж, этот, во всяком случае, не музыкант, если дражайшему герцогу так легче. После недавней истории, когда брат чуть было не застал у нее в спальне любовника, Мирейя заметно охладела к последнему. Уж не знаю, что именно заставило ее изменить свое отношение, но факт оставался фактом: больше тот

мужчина в ее покоях не появлялся. А вот у рыжеволосого графа, с которым сейчас танцевала девушка, кажется, были все шансы стать новым фаворитом.

Мой взгляд постепенно сместился, скользнув с танцевальной зоны на дальнюю стену прямоугольного зала. Там действительно было на что посмотреть. Всю стену – от края до края, от пола до потолка – покрывала фреска, изображавшая чудесный сад. Розовые кусты, цветущие вишни, даже плывущие по небу облака выглядели настолько реалистично, что казалось, лишь прикрой глаза – и почувствуешь кружащий голову аромат роз. Насколько мне известно, один придворный даже принял этот сад за настоящий и попытался туда выйти – правда, когда был основательно пьян. Дело кончилось легким сотрясением мозга и уроком никогда больше столько не пить. Впрочем, не поручусь, что последнее обещание честно выполнялось.

Эта фреска была творением Пабло Эскатто, величайшего художника наших дней. Его работы украшали во дворце еще несколько стен. Услуги этого мастера стоили невероятно дорого; ему доводилось писать для самых знатных людей страны, равно как и выезжать за границу по приглашению членов королевских фамилий. К слову, ходили слухи, будто он тоже в свое время провел немало вечеров в будуаре Мирейи.

– Ну так как, – протянула Илона, вертя в руках маленькую табакерку из слоновой кости, – поговаривают, будто ты в очередной раз сцепилась с Кэмероном Эстли?

Моя подруга Илона Деннис также являлась фрейлиной Мирейи, однако при дворе была известна не за счет этого, а скорее благодаря своей эксцентричности. Она одевалась, разговаривала и вообще вела себя несколько иначе, чем остальные. В то время как мода и этикет предписывали дамам быть мягкими, нежными и загадочными, Илона предпочитала прямоthu, запросто пользовалась крепкими словечками и имела ряд привычек, которые обычно принято считать мужскими. К примеру, нюхала табак и попивала бренди, в то время как красное вино называла кислятиной. Она ненавидела дамские седла и обожала пускать лошадь в галоп. В ее движениях было нечто угловатое, а манеры оказывались порой чрезмерно резкими. Даже одежда отличалась от нашей: чуть больше практичности, чуть меньше украшений, никаких бантов и светлых оттенков. Жить при дворе означает следовать веяниям моды, это непреложный закон дворцов. Единственный способ не быть рабом моды – это самому стать ее родоначальником. Однако последнее по силам и по статусу далеко не каждому. К примеру, подобное может себе позволить Мирейя, но никак не я. Однако же Илоне удалось оставаться редким исключением из правил: она далеко не во всем следовала веяниям моды, но ей это прощалось. Возможно, за счет той нотки естественности, которую приносила с собой ее эксцентричность.

Стараясь наставить девушку на путь истинный, сторонницы более традиционного поведения приводили железный,

казалось бы, аргумент: если не станешь вести себя так, как положено женщине, тебя не будут любить мужчины. Казалось бы, все верно. Но парадокс заключался в том, что от недостатка мужского внимания Илона не страдала.

У нее были и поклонники, и любовники. Да, связи, как правило, длились недолго, и отношения не перерастали в нечто по-настоящему серьезное, но, положив руку на сердце, кто из нас – классических и традиционных фрейлин – мог этим похвастаться?

– Да не то чтобы сцепилась... – Я поморщилась, давая понять, что слово выбрано слишком сильное. – У нас просто было маленькое несовпадение в интересах. Он намеревался застать Мирейю с мужчиной, а я не собиралась ему этого позволить. В итоге мне удалось утереть ему нос.

– Это-то и плохо, – проговорила Илона, отставив табакерку на соседний пустующий стул.

Такая реакция меня удивила. Подруга, как и я, являлась фрейлиной Мирейи и, как мне до сих пор казалось, в конфликтах с герцогом была на нашей стороне.

– Плохо? – переспросила я. – Почему? Ты предпочла бы, чтобы герцог и этот индюк Эстли застали у Мирейи в будуаре любовника?

– Не в этом дело, – покачала головой Илона.

– В чем же тогда?

– В том, что с такими мужчинами, как «этот индюк», нужно держать ухо востро. Обыгрывать их рискованно; в обще-

нии с ними проигрыш зачастую обходится гораздо дешевле, чем победа. Рано или поздно Эстли захочет тебе отомстить, а он чрезвычайно опасный противник.

– Брось, не надо его демонизировать, – отмахнулась я. – Он, конечно, редкостная сволочь, но не настолько страшен. – Я прикусила язык и испытала чувство облегчения лишь после того, как удостоверилась, что нас никто не слышал. Илона дурно на меня влияла: в ее присутствии я и сама начинала выражаться более вульгарно, чем допустимо для придворной дамы, тем более на балу. – И потом, ты же знаешь: я не из пугливых.

– Знаю, – подтвердила Илона, – и именно поэтому считаю нужным тебя предупредить. Смелость, конечно, большое достоинство, но иногда она может привести к печальным последствиям. Героизм приносит победу войску, но часто плохо заканчивается для самого героя.

– Не сравнивай! – отмахнулась от философской метафоры я. – О героизме речи не идет. Я ведь не бросаюсь грудью на острие шпаги.

– Бывают вещи пострашнее шпаги, – не согласилась Илона. – Что ты вообще знаешь о делах Кэмерона Эстли? Тех, которые не касаются Мирейи и ее вечных ссор с братом? У него ведь есть занятия куда посерьезнее. Он принимает участие в расследовании крупных преступлений, выносит приговоры, улаживает конфликты с иностранными послами. Ты знаешь, что он довел до самоубийства графа Кройтона?

– Не знаю. Ни о графе, ни о самоубийстве, – откликнулась я. – И почему же Эстли с ним так обошелся?

– Понятия не имею. Подробности никому не известны, об этом деле слухи ходят все больше шепотом. Но имя виновника разногласий не вызывает.

– Ну, если это всего лишь слухи, да еще и не слишком достоверные, то, знаешь ли, и виновность Эстли тоже под вопросом, – пожала плечами я. – Может, бедняга граф просто умер от простуды, а Эстли имел неосторожность навестить его за несколько часов до кончины.

– Может быть, конечно, и так, – не стала спорить Илона, но по глазам подруги я видела: сама она не подвергает сомнению причастность Кэмерона Эстли к смерти Кройтона. – Но уж то, что он лично присутствует при некоторых допросах, известно всем. И какие методы при этих допросах используются, тоже ни для кого не секрет.

– И что? – скривилась я. – Меня он в кресло допроса точно не посадит только из-за того, что я сумела вовремя проводить мужчину из покоев Мирейи.

– Не посадит. – Тут Илона была полностью согласна. – Он не из тех людей, кто станет отправлять женщину в пыточную за подобные вещи, к тому же в этом плане ты достаточно защищена. Все-таки ты графская дочь, пусть даже и никогда не видишься с родителями, и к тому же ты находишься под покровительством Мирейи. Это хорошие позиции. Я просто хочу подчеркнуть, что излишне заигрываться с таким, как

Эстли, не стоит.

– А пускай оставит Мирейю в покое, и я не буду с ним заигрывать! – огрызнулась я. – И если больше ни разу с ним не увижусь, плакать точно не стану. Что он к ней привязался? Неужто при всем своим уме не может понять, что это недостойно аристократа, да и просто мужчины – воевать с женщиной, разнюхивая, что творится у нее в постели?

Я гадливо поморщилась. Илона улыбнулась.

– Мне ли тебе рассказывать, что Мирейя регулярно ставит палки в колеса своему брату? – откликнулась она. – Скажем, тот случай, когда герцог хотел продвинуть своего человека на должность старшего помощника посла. А Мирейя, в обход него, обратилась к королю, выдвинув кандидатуру собственного протеже.

– Ну и что тут такого? – встала на защиту Мирейи я. – Ее протеже был ничем не хуже. Я бы сказала, даже лучше, чем тот, кого предлагал герцог.

Илона рассмеялась, глядя на меня, и я стушевалась, сообщив, что сижу, выпятив грудь, будто и правда готова броситься на шпагу, защищая свою госпожу.

– В любом случае, – уже спокойнее продолжила я, приняв более расслабленное положение, – тогда, если помнишь, герцог добился своего. Именно его человек получил в итоге это место. И тоже не без вмешательства Эстли.

– В том-то и штука. Задача Эстли – продвигать интересы герцога. Мирейя постоянно продвижению этих интере-

сов мешает. Это превращает ее в противника, которого надо нейтрализовать. Как именно? Она сестра герцога, поэтому вариант «мешок на голову и концы в воду» отпадает. Что остается? Самый действенный способ держать ее под контролем – шантаж. Но чем шантажировать? Закон она не нарушает, в политических заговорах не участвует, сиреневый порошок не нюхает. Ее единственное слабое место – мужчины. Все знают, что она... не совсем целомудренна. Мирейя и сама не то чтобы делала из этого большую тайну. Однако же не пойман – не вор. Нельзя шантажировать, опираясь на гуляющие по дворцу слухи. Вот герцог с помощью Эстли и пытается поймать ее на горячем. И вот тут-то и вклинивается одна непоседливая фрейлина, которая портит им всю игру.

– И будет вклиниваться до тех пор, пока они пользуются столь грязными методами, – отрезала я.

Рассмеявшись, Илона взяла в руки бокал с бренди.

– Ну вот, как и следовало ожидать, моя душеспасительная беседа была проведена впустую, – подытожила она. Отхлебнула напиток, покатала его по небу и проглотила, прикрыв глаза от удовольствия. – Благие намерения, как и всегда, ни к чему не привели. Ну и поделом мне.

Она сделала еще один глоток.

– Хочешь, я тоже прочитаю тебе лекцию – о вреде крепких алкогольных напитков? – лукаво предложила я.

От такой идеи Илона поперхнулась и раскашлялась, после чего отгородилась от меня, скрестив перед собой руки.

– Только не это! – взмолилась она. – Предоставь мне возможность спокойно наслаждаться балом.

– Хочешь наслаждаться балом – иди танцевать, – подсказала я.

Илона выразительно поморщилась.

– Мне лень, – понизив голос, призналась она. – К тому же мне страшно натерли ногу эти бальные туфли.

– Что там может натереть ногу? – удивилась я, опуская взгляд. – В них же только пальцы едва прикрыты. С этой новомодной обувью даже для пряжек места не остается!

– Это как раз радует, – фыркнула подруга. – И тем не менее ногу натерло.

– Леди Илона! – Вынырнувший из толпы барон Гроули поприветствовал нас обеих вежливым кивком. Это был бодрый и неунывающий тридцатилетний мужчина, выглядевший лет на пять моложе, вероятнее всего, благодаря своей энергии и оптимизму. – Не желаете ли потанцевать?

Илона страдальчески вздохнула и посмотрела на меня так жалобно, словно я могла чем-то ей помочь. Я сделала вид, будто этого не замечаю, и отхлебнула некрепкой «кислятины» из своего бокала.

– Мазурка?! – еще более страдальчески простонала Илона, прислушавшись. – Ладно, Ральф, так и быть, я готова принять ваше предложение, – шутливо произнесла она, благо приятельские отношения гарантировали, что собеседник не обидится. – Но только имейте в виду: дурацкие новые

туфли натерли мне ногу, поэтому я буду хромать и, возможно, даже спотыкаться.

– Ничего, леди, я вас поддержу, – с усмешкой пообещал барон.

– А спотыкаясь, я могу начать выражаться, – грозно предупредила Илона.

– Я перетерплю, – отозвался Гроули. – Надеюсь, на этом список угроз исчерпан?

– Исчерпан. – Вдох подруги выражал безысходность, однако глаза грустными отнюдь не казались. – Идемте, раз уж вы так настойчивы.

Гроули повел ее в танцевальную зону, а я осталась в полном одиночестве. Что, впрочем, нисколько меня не тяготило. Более того, я решила сбежать из зала прежде, чем кто-нибудь надумает это самое одиночество скрасить. Было бы неплохо немного подышать свежим воздухом в саду. Как раз успею вернуться к началу обеда.

Пересекая зал, я заметила Кэмерона Эстли, беседующего с леди Кларой Уортон. Точнее сказать, леди Клара вцепилась в графа и что-то вдохновенно ему говорила, он же старательно поддерживал на лице выражение умеренной учтивости, что явно стоило ему немалого труда. Это было неудивительно. Собеседница Эстли, пожилая дама, каким-то непостижимым образом совмещала в себе энергичность и занудство. Это редкое сочетание качеств имело просто убийственный эффект, почти смертельный для тех, кому не посчастливи-

лось оказаться в центре внимания леди Клары. Избавиться от ее нотаций, не нарушив норм приличия в обществе, было возможно лишь после того, как пожилая леди утомится сама. Однако это, как правило, происходило очень не скоро.

Поэтому, проходя мимо парочки, я мысленно потирала руки. Так вам и надо, лорд Кэмерон. Очень надеюсь, что она промурыжит вас еще минут тридцать.

– Леди Инесса!

Этот скрипучий голос ударил мне в спину, словно угодившая между лопаток пуля. Воистину, боги надумали меня наказать. Нельзя желать ближнему таких страданий. Даже если этот ближний – столь невыносимый тип, как лорд Кэмерон. С трудом сдержав страдальческий вздох, я повернулась и поспешила изобразить на лице приветливую улыбку.

– Леди Клара! Как я рада вас видеть! Как вы себя чувствуете? Вам нравится на балу?

Я задавала эти вопросы, умышленно не оставляя времени для ответа и потихоньку пятясь к спасительной двери. Увы, леди Клара лишила меня надежды на отступление, цепко схватив мою руку. Правда, и Эстли отпускать не спешила.

– Я как раз говорила графу, что это просто-таки неприлично. – Дама никак не отреагировала на мои вопросы, оставшись верной давней привычке слушать только себя. – Две такие видные при дворе особы не могут поддерживать столь прохладные отношения. Просто не имеют права. Это же моветон!

Не удержавшись, я закатила глаза. Сколько еще раз она будет повторять одно и то же, используя для этого разные выражения?

– Вы занимаете столь важные посты при таких значимых людях, – продолжала леди Клара, к счастью, не замечая моей реакции. – Вы обязаны подавать окружающим пример своим поведением. Ваши же перепалки просто недопустимы! В мое время придворные дамы и кавалеры никогда бы не позволили себе ничего подобного. – Она неодобрительно покачала головой, одновременно цокая языком и явно смакуя все это действо. – Вы обязательно должны сменить линию поведения. Слышите? Обязательно!

– Убедили, – неожиданно заявил Эстли.

Извлек из пальцев леди Клары свое запястье и после короткого поклона, пристально глядя мне в глаза (не иначе, желал загипнотизировать), произнес:

– Леди Инесса, не окажете ли мне честь, приняв мое приглашение на следующий танец?

Я, признаться, немного смешалась. И как прикажете поступить? Вообще-то отказываться от приглашения на танец без по-настоящему уважительной причины не принято. Но танцевать с Эстли...

Все еще неуверенная, как поступить, я встретила взгляд графа. «Только попробуйте отказаться», – яростно говорил он. Я поняла, что в этом случае Эстли устроит мне что-нибудь по-настоящему страшное. Например, заставит ежеве-

черне пить чай в обществе леди Клары в течение месяца. К тому же танец – действительно не такая плохая идея, поскольку дает возможность избавиться от назойливой дамы под благовидным предлогом.

– Конечно, лорд Кэмерон, – решила я и присела в подобающем случае реверансе.

– Надеюсь, вы простите нас, леди Клара.

Не дожидаясь ответа, который мог, даже будь он положительным, продлиться до самого конца танца, Эстли повел меня в танцевальную зону.

– Один менуэт – и вы свободны, – с каменным лицом заверил он меня по дороге. – Леди Уортон успокоится и найдет себе новую жертву.

Я согласно склонила голову, останавливаясь возле него.

– Хорошо, что нам не придется танцевать слишком долго, – светским тоном произнесла я, подавая ему левую руку и слегка отводя от корпуса правую.

– Вы не любите танцевать или имеете что-нибудь против менуэта?

Имею что-то против данного конкретного кавалера. Но не говорить же это ему прямым текстом, тем более что он и сам все прекрасно понимает.

– Просто в противном случае нам с вами придется поддерживать продолжительную светскую беседу, – пояснила я, делая скользящий шаг назад.

– А вас это пугает?

В его глазах мелькнула насмешка, не слишком хорошо сочетавшаяся с движениями, которые в силу природы танца должны были выражать преклонение перед партнершей.

– Я не из пугливых, лорд Кэмерон.

Мой тон тоже не очень-то вязался с атмосферой, диктуемой фигурами менуэта.

– Знаю. – В его взгляде промелькнуло что-то не вполне понятное – не то интерес, не то одобрение. – Тем занятнее.

Я вопросительно изогнула брови, предлагая ему пояснить смысл своих слов. Однако граф этого делать не стал, а обращаться к нему с подобной просьбой было ниже моего достоинства. На протяжении нескольких следующих тактов мы молчали.

– Итак, леди Инесса. – Эстли заговорил первым, видимо, припомнив мои слова о необходимости вести светскую беседу. – Раскройте мне одну маленькую тайну. Переодевание мужчин в женские платья – это хобби или патология?

Стало быть, все-таки догадался, что за фрейлина в парике столь быстро покинула тогда наше общество. Что ж, я не удивлена.

– Когда-нибудь узнаете, – многообещающе улыбнулась я.

Его очередь приподнять бровь, моя – таинственно промолчать в ответ.

– Ну хорошо, – продолжил он, когда мы шагнули на полупальцах по направлению друг к другу. – В таком случае ответьте мне на другое. Отчего вы так не любите мужчин?

Я чуть было не споткнулась от такого вопроса и вытаращилась на собеседника с нескрываемым изумлением.

– С чего вы это взяли? – Первый шок прошел, и я сумела взять себя в руки. – Лорд Кэмерон, у вас зашкаливает самооценка. Не стоит распространять отношение лично к себе на весь мужской род.

На моих губах заиграла едкая улыбка. Он ответил приблизительно тем же.

– Леди Инесса, если вы рассчитываете задеть меня таким утверждением, вынужден вас разочаровать. Меня ненавидит масса народу, такой уж у меня род занятий. Если бы я страдал из-за каждого человека, испытывающего ко мне антипатию, уже давно постригся бы в монахи.

– Вам бы пошло, – заверила я таким тоном, словно разговор велся о новой шляпе.

– Сомневаюсь. Однако вернемся к моему вопросу.

– Признаться, я не вполне поняла его суть.

– Вы весьма прохладно относитесь к мужчинам, леди Инесса. Нет, я вовсе не утверждаю, будто у вас другие предпочтения. Будто вам больше нравятся женщины, или животные, или, к примеру, трупы.

– Что?!

От таких предположений у меня глаза полезли на лоб; он же, кажется, только того и ждал. Вид, правда, сохранял серьезный, лишь самые уголки губ таили улыбку. Но я ни сколько не сомневалась: Эстли получал удовольствие, вы-

двигая столь нелепые и одновременно шокирующие версии и наблюдая за моей реакцией.

– О, леди Инесса, поверьте мне: на государственной службе и не того насмотритесь, – посетовал он. – Однако повторюсь, я вовсе не считаю, что все это имеет к вам отношение. Нет, ваши вкусы, бесспорно, более традиционны. Мне известно, что у вас были мужчины. И тем не менее вы не слишком увлекаетесь этой стороной жизни. По моим данным, за те четыре года, что вы живете во дворце, у вас было всего три любовника, и те давно, ближе к началу срока. На фоне большинства молодых фрейлин это очень мало. Не подскажете, в чем тут причина?

Надо же, какие у него точные сведения! Целое расследование провел. Узнаю его методы. Я сдержанно улыбнулась.

– Хотелось бы полюбопытствовать, а в чем может заключаться причина, с вашей точки зрения? – перевела стрелки я.

Такой ход ничуть его не смутил.

– Я вижу ровно два варианта, – охотно отозвался Эстли, даже не пытаясь упрекнуть меня в уходе от ответа. – Вариант первый: вы сильно разочаровались в мужчинах. Виной тому, вероятнее всего, ваш последний любовник. Видимо, этот идиот серьезно напортачил, после чего вы решили отгородиться от всего мужского рода в целом.

– А каков же второй вариант? – с энтузиазмом поинтересовалась я.

– Второй вариант прост: вы по-прежнему состоите с кем-

то в отношениях, но держите их в тайне, – отозвался Кэмерон. – Вероятнее всего, это опять-таки ваш последний любовник. Он ведь уехал за границу. Или я ошибаюсь?

Я лишь фыркнула в ответ. Как вы можете ошибаться, если тщательно проверили информацию перед этим разговором?

– Возможно, вы изредка с ним переписываетесь и храните ему верность, – продолжал Эстли. – Не знаю, который из этих вариантов верен, да это и не мое дело. Я лишь хочу подчеркнуть, что в обоих случаях вы совершаете большую ошибку. От жизни надо уметь получать удовольствие.

– Так, как это делаете вы? Меняя партнеров, как перчатки, и каждую неделю укладывая к себе в постель кого-нибудь нового?

На моем лице по-прежнему цвела улыбка, а вот глаза смотрели жестко.

– Неужели обо мне такое говорят? – притворно ужаснулся Эстли. – Никого не слушайте, леди Инесса! Двор состоит из сплетников и завистников.

– Тоже мне откровение! – фыркнула я.

Эстли мимолетно улыбнулся.

– Менять партнера каждую неделю необязательно, – заверил он. – Но и хоронить себя заживо тоже не стоит. Оглянитесь кругом. Уверен, вы найдете достойного человека.

– Лорд Кэмерон, зачем вам это надо? – нахмурилась я. – Вот если честно: к чему вы затеяли этот разговор? Какая вам, в сущности, разница, есть у меня мужчина или нет? Или вы

просто хотели меня разозлить? Если да, то спешу вас разочаровать: это не так-то легко сделать.

— Ну что вы, леди Инесса, разозлить я вас всегда успею, — рассмеялся он. — Буду с вами честен: я действительно заинтересован в том, чтобы вы перестали пренебрегать своей личной жизнью. На данный момент все ваши силы направлены на службу вашей госпоже. Это... несколько затрудняет мою собственную работу. Начав наконец-то жить собственной жизнью, вы станете уделять меньше времени делам Миррей Альмиконте. И это будет мне на руку.

— И вы полагаете, что после такого признания я последую вашему совету? — изумилась я.

— А вы задумайтесь над ним как следует, — посоветовал Эстли. — Ведь каковы бы ни были мои цели, последовать этому совету в первую очередь в ваших собственных интересах.

Мы встали по диагонали, правым плечом вперед. Еще несколько движений, и танец завершился.

По правилам партнеру следовало проводить даму к тому месту, где он пригласил ее на танец. Однако если бы Эстли возвратил меня леди Кларе, я бы точно придушила его голыми руками. Он, видимо, это подозревал и столь серьезно рисковать не стал. Поэтому, следуя моей просьбе, отвел меня к стульям, после чего моментально растворился в толпе гостей.

Я подхватила оставленный на сиденье веер и стала задумчиво им обмахиваться, устроившись на стуле. Как вы там

сказали, лорд Эстли? Получать удовольствие от жизни? Заводить любовников? Я слабо усмехнулась. Вот уж нет, милорд. Я как-нибудь обойдусь без ваших советов. И мой последний любовник здесь совершенно ни при чем. Я даже не знала, что он уехал за границу. Да я и встречалась-то с ним всего ничего, недели две, да и то исключительно развлечения ради. И если отношусь к мужчинам с изрядной долей осторожности, то вовсе не из-за него.

И вы не правы вдвойне: я вовсе не испытываю ненависти к мужскому полу. Просто мне лень тратить время и силы на несерьезные, мимолетные романы. Что же касается продолжительных отношений и брака... Я ничего не имею против, но только в том случае, если встречу по-настоящему подходящего человека. Такого, который полностью соответствовал бы моим критериям. И стал бы по-настоящему хорошим мужем. Мягкого, доброго, воспитанного. Неспособного нагрубить женщине, не говоря уж о более серьезных проявлениях агрессии. Образованного, любящего читать. Домашнего, уютного. Словом, хорошего семьянина.

Пока мне такой не встречался. И если не встретится, я плакать не буду. В отличие от многих женщин, я убеждена: чем выйти замуж неудачно, лучше не выйти вовсе.

Мои мысли оборвало звучание гонга, призывающего гостей пройти в соседний зал, где подавался обед. Опустив руку с веером, я растерянно огляделась, словно только что очнулась от дурманящего дневного сна. Ну вот, так и не попа-

ла в сад. Впрочем, это не к спеху. Эхо гонга, все еще звеневшее где-то под потолком, напомнило мне о том, что и вправду неплохо бы что-нибудь перекусить. Тем более что на балу кушанья подавались воистину божественные (хоть мы во дворце и в обычные дни не могли пожаловаться на поваров). Вот только с кем я теперь пойду? В обеденный зал полагалось входить парами: дам непременно должны были сопровождать кавалеры. Обычно эту роль исполнял партнер по последнему танцу, но я этот танец пропустила. Не знаю, как провел последние минуты лорд Кэмерон, но было бы глупо надеяться, что он проявит галантность и поспешит мне на выручку. Придется поискать кого-нибудь из знакомых.

– Простите, леди Антего?

Незнакомый голос заставил меня, нахмурившись, поднять голову. Передо мной стоял молодой человек лет двадцати пяти, то есть приблизительно мой ровесник. Довольно привлекательный, хотя и не красавец. Шатен с волосами до плеч, завитыми по последней моде. Светло-карие глаза, круглое лицо, симпатичная ямочка на подбородке. Невысокий, скорее среднего роста. Его губы изогнулись в приятной улыбке, хотя мимика отражала чувство некоторой неловкости.

– Меня зовут Дэйвид Лаймон. Барон Дэйвид Лаймон, – уточнил он, вопросительно заглядывая мне в глаза. – Вы помните, мы были представлены в начале вечера?

– Ах да, припоминаю.

Я поспешила изобразить на лице вежливую улыбку. Дей-

ствительно, было дело. Но на подобных мероприятиях вас знакомят с таким числом новых людей, что всех не запомнишь.

На лице барона немедленно отразилось чувство облегчения. Видимо, он опасался, что я не вспомню о нашем знакомстве и сочту его приближение невежливым.

– Вы позволите проводить вас к столу? – спросил он, воодушевленный таким началом. Но тут же снова стушевался. – Или, может быть, вы уже кому-то обещали?

Его поведение заставило меня добродушно рассмеяться. Вот это манеры. Какой контраст с моим недавним партнером по танцу!

– Позволю, – милостиво согласилась я и снова рассмеялась.

Дэйвид, улыбнувшись, подал мне руку, и я поднялась со стула, прихватив с собой веер. Мы влились в число гостей, направляющихся в соседний зал.

– Мне кажется, я раньше вас не встречала, – заметила я. – Вы недавно приехали в город?

– Нет, что вы! – возразил он. – Я живу здесь с самого детства.

– Но при дворе не бываете? – уточнила я.

Он покачал головой.

– Почти нет. У нас здесь особняк, я живу там с матерью. И, честно говоря, нахожу все эти приемы слишком шумными. Предпочитаю более спокойное времяпрепровождение с

книгой и бокалом вина. Или посидеть у камина в кругу близких друзей.

Когда мы добрались до высоких дверей, он пропустил меня вперед, одновременно не выпуская моей руки. Проводил к столу, отодвинул для меня стул и сам сел рядом лишь после того, как удостоверился, что я удобно устроилась.

– За знакомство?

Наши бокалы тихонько звякнули, соприкоснувшись.

Как я там недавно думала? Таких не существует? Что ж, быть может, я была не права. А вы, лорд Кэмерон, возможно, где-то правы.

Глава 2

*Прощайте врагов ваших – это лучший способ
вывести их из себя.*

Оскар Уайльд

Войдя в свою спальню, я устало оперлась рукой о стену и, скинув туфли, сделала несколько шагов босиком. Остановилась возле зеркала, сняла вуаль и стянула с головы рыжий парик. Затем горничная помогла мне избавиться от роскошного изумрудно-зеленого платья с золотым шитьем, принадлежавшего Мирейе.

Сегодня дючесса вместе с несколькими своими фрейлинами посетила ярмарку. Такие выезды подразумевали повышенную угрозу безопасности, поскольку даже специально обученным стражникам бывает непросто стопроцентно уследить за разношерстной толпой. Поэтому во время подобных мероприятий принималась дополнительная мера предосторожности, а именно: Мирейя менялась местами с одной из своих фрейлин. Говоря точнее, со мной. Стоит отметить, что на моей памяти во время таких прогулок ни разу не произошло ни одного инцидента, однако же предосторожность есть предосторожность. И я уже давно привыкла к тому факту, что приблизительно раз в пару недель надеваю парик, облачаюсь в чужую одежду и вместе с остальными фрейлинами скрываю лицо под плотной вуалью. В таком маскараде даже

было нечто забавное.

Однако на сей раз я просто утомилась. Поэтому, оставшись лишь в белой камизе, доходящей до середины икры, с наслаждением опустила в стоявшее перед зеркалом кресло и откинула голову назад. Прикрыла глаза и просто размеренно дышала, дожидаясь, пока горничная приготовит горячую ванну. Потом посмотрела на себя в зеркало и неодобрительно поцокала языком. Да, после ванны над лицом придется как следует поработать, а то под глазами уже намечаются круги.

Неспешно распустила темные волосы. Изящные локоны расслабленно упали на плечи. Встала и посмотрела на себя в полный рост, благо величина зеркала это позволяла. Рубашка мягко облегла фигуру. В целом пожаловаться на свою внешность я не могла. Средний рост, узкая кость и никаких лишних килограммов. Я была стройной и подвижной, обладала не слишком большой грудью – что, возможно, немодно, но меня полностью устраивало – и живыми серыми глазами, которые при желании легко могла прятать под длинными ресницами. Добиваться своего при помощи игры взглядов и мимики я научилась давно и умела хорошо.

Взъерошив волосы и оптимистично подмигнув своему отражению – мол, все у нас с тобой будет хорошо, – я немного прошлась по комнате. Босые ступни тонули в объятиях ласкового ворсистого ковра. Я остановилась возле висящей на стене картины с изображением морского берега и набегаю-

щих на него волн. Не знаю почему, но я грезил морем. Возможно, это было связано с тем, что меня возили на него когда-то, в далеком детстве, в возрасте лет пяти. Из той поездки я запомнила очень мало, но вид огромной водной глади, запах водорослей и крики чаек отчего-то навсегда запечатлелись в памяти. И теперь у меня было две мечты. Первая – это снова оказаться на море. Просто походить по берегу, зарывая ноги в песок, и послушать шум катящихся волн. Вторая – это огромное панно с морским видом на всю стену. В духе того, которое украшает балльный зал, но только изображает сад. Чтобы, войдя в комнату, можно было взглянуть на него, прикрыть глаза – и почувствовать, будто свежий ветер приносит в лицо соленые брызги.

Вот только осуществиться эти мечтания пока имели мало шансов. До моря далеко, и на то, чтобы отправиться в такое путешествие, у меня просто-напросто не было времени. Что же касается панно, мало какой художник мог сотворить такое произведение искусства, при виде которого можно было поверить, что перед тобой – не картина, а сама жизнь. Пабло Эскатто мог, но этот человек творил для королей, и его труды безумно дорого стоили. Герцог уж точно не стал бы приглашать его для того, чтобы разукрасить будуар фрейлины. Так что мне приходилось довольствоваться скромной картиной, кстати сказать, тоже весьма талантливой. Ну а мечты – на то они и мечты, чтобы не осуществляться, верно?

Искупавшись, я почувствовала себя отдохнувшей и, обла-

чившись на сей раз в собственную одежду, направилась в одну незаметную и мало кем использовавшуюся комнату. За окном уже зашло солнце, хотя ночная тьма не успела стгнуться окончательно. Я задернула плотные темно-сиреневые шторы и зажгла на столе одинокую свечу. После чего несколько раз провела над пламенем рукой, заставляя огонек пригибаться под моими пальцами. Трижды на себя, один раз – от себя.

– А я и так здесь, могла бы не вызывать! – бодро сообщила симпатичная девушка, которая стояла теперь напротив меня.

Самая обычная девушка, если не считать того факта, что сквозь нее просматривалась стена комнаты.

– Что ты мне сегодня принесла? – с воодушевлением спросила она.

– Серьги, – объявила я, улыбнувшись той детской непосредственности, с какой был задан вопрос.

Я извлекла из потайного кармашка (другие на наших платьях и не предполагались) серебряные сережки с подвеской грушевидной формы. При их виде глаза девушки загорелись – если, конечно, так можно сказать о глазах призрака.

– Давай скорее! – поторопила она.

Я уже знала, что следует делать. Отнюдь не протягивать серьги собеседнице. Ведь привидение не может взять в руки материальный предмет. Вместо этого я расположила руку с серьгами так, чтобы тень от них упала на стену. Девушка тут

же проскользнула через эту тень. И когда спустя мгновение я снова увидела ее напротив себя, она уже держала серьги в руках. Только на сей раз они имели такой же призрачный вид, как она сама. Меж тем их материальные братья-близнецы по-прежнему покачивались у меня в пальцах.

– Здорово! – объявила девушка, надевая серьги и разглядывая их в круглом зеркальце на длинной ручке, появившемся неведомо откуда и таком же призрачном, как она сама. – Будет чем похвастаться перед нашими!

«Наши» – это такие же, как она, дворцовые призраки. Правда, мне ни разу не доводилось видеть никого из них. Только ее, Майю Денси, девушку, жившую в этом дворце около столетия назад и умершую в возрасте всего двадцати четырех лет. Вообще такого рода общение было, мягко говоря, нестандартным. Материальный мир и мир потусторонний пересекаются крайне редко. Очень редкие люди обладают способностью видеть и слышать призраков. Однако и призраки в большинстве своем не могут показаться людям на глаза. Так что мы с Майей обе являлись своего рода исключением из общего правила.

– Ну, рассказывай! – заявила девушка, насмотревшись на себя в призрачное зеркало. – Дворец гудит! Что это была за история с переодеванием, в которой ты, кажется, сыграла ключевую роль?

Принято считать, что привидения приходят к живым людям, чтобы пугать их, стонать, жаловаться на свою загублен-

ную жизнь или требовать мести. Не знаю, возможно, где-то именно так и происходит. Но дворец – место особенное. Здесь даже призраки разговаривают о нарядах, украшениях, балах – и, конечно же, обожают сплетни.

Не имея ничего против, я пересказала Майе, как вывела любовника из покоев дючессы, переодев его в женское платье. Никаких причин скрывать правду у меня не было. В этом прелесть общения с привидением. Оно не предаст, не станет использовать рассказ в своих меркантильных интересах и даже не подумает вам позавидовать как минимум черной завистью.

Вот и сейчас Майя просто веселилась от души и заливисто хохотала над моей историей.

– Вот уж точно: ему сильно повезло, что он не родился в мое время! – воскликнула она. – Белила – это еще ерунда. Кстати, никто тогда даже подумать не мог, что они настолько опасны. А между тем сейчас я понимаю, что, вероятнее всего, моя тетя умерла именно от отравления свинцом... Так вот, этот твой любовник...

– Не мой, а Мирейи! – поправила я.

Еще чего не хватало!

– Ну да, Мирейи. – Девушка махнула рукой, давая понять, что именно это и имела в виду. – Знал бы он, какие корсеты носили в мое время! Тогда понял бы, насколько ваши щадящие! В мой век в моде была осиная талия и плоская грудь. Корсеты, в которые все это упаковывалось, даже назывались

панцирями! И состояли сплошь из металлических палочек. Не белье, а доспехи!

– Какой ужас!

Я обладала богатым воображением и потому поежилась, живо представив себе, как эдакий «панцирь» надевается на тело.

– Или вот еще фижмы, – добавила Майя, оглядывая собственное платье. – Думаю, они бы тоже заставили того беднягу почувствовать себя крайне некомфортно.

Я согласно кивнула. Фижмы перестали носить лет семьдесят тому назад; на данный момент пышности платью придавала лишь нижняя юбка, а вот каркасы из китового уса канули в Лету.

– Мне как-то раз довелось носить это удовольствие на костюмированном балу, – сообщила я. – Ощущения были еще те. И главное – я совершенно не могла пройти в дверь!

– Для этого требуется специальная сноровка, – не без гордости хмыкнула Майя. – Вообще прогресс – это все-таки великое дело, – заключила она немного погодя. – Смотрю на те изменения, которые произошли у вас за последние десятилетия, – и прихожу к выводу, что почти все они действительно к лучшему. Парик – это тоже то еще украшение жизни. Сказать по правде, – она понизила голос, хотя ее в любом случае никто не смог бы услышать, – от них ужасно чешется голова. Зато туфли в мое время были намного лучше. Уж извини, но ваши смотрятся на ноге довольно-таки смешно.

И еще эти невероятно длинные брюки у мужчин.

Я улыбнулась. Что призраку не нравилось в современной обуви, мне было не понять. А вот в отношении брюк я понимала ее прекрасно. Еще пару лет назад брючины доходили лишь до колена и укомплектовывались длинными чулками. А потом в моду резко вошли длинные брюки. Поговаривают, что какой-то прогрессивный портной представил такую модель на суд короля. А монарху это новшество настолько понравилось, что исключительно так он с того дня и стал одеваться. А что носит король – то носят и придворные. Словом, мода переменялась очень быстро. Кстати, в герцогском дворце одним из первых, кто ее перенял, стал лорд Эстли.

– Как прошел бал? – переменяла тему Майя.

– А разве ты там не присутствовала? – немного удивилась я.

Учитывая тот интерес, который девушка испытывала к моде и сплетням, она просто не могла бы пропустить подобное мероприятие.

– Только совсем немного. Видишь ли, на балах бывает уж очень много света. Нас это утомляет. Начинается такое состояние... что-то вроде вашей мигрени. Поэтому мы обычно предпочитаем держаться в стороне.

– Да в общем-то бал как бал, – задумчиво ответила я. Потом поморщилась и жалобным голосом наябедничала: – Они все пытались учить меня жизни!

– Кто «все»? – любопытствовала Майя. – И чему имен-

но?

– Сначала Илона рассказывала, как опасно связываться с Кэмероном Эстли, – принялась перечислять я. – А потом Кэмерон Эстли принялся меня поучать – дескать, я должна срочно бросать заниматься глупостями и заводить себе любовника.

Майя рассмеялась, но ответить не успела: дверь приоткрылась, и в комнату осторожно заглянул Коллин, один из здешних пажей.

– Леди Инесса? – При виде знакомого лица он, кажется, испытал чувство облегчения. – А я шел мимо и удивился, услышав, что тут кто-то есть в такой час. А... с кем вы разговаривали?

Он, хмурясь, всматривался в глубь комнаты, но, кроме меня, никого увидеть, естественно, не мог.

– С привидением, – спокойно ответила я.

– С привидением?! – испуганно встрепенулся юноша.

– Ну да, – ответила я таким тоном, будто разговоры с привидениями – дело столь же обыденное, сколь и, к примеру, болтовня с белошвейками.

– И... что оно говорит? – спросил паж, опасливо повернув голову из стороны в сторону.

– Оно говорит, – я понизила голос, копируя его заговорщицкий тон, – что оголодало за последнюю сотню лет и очень хочет съесть тебя на ужин.

– Неправда, ничего такого я не говорила! – возмутилась

Майя.

Беда только в том, что ее – в отличие от меня – Коллин слышать не мог.

– Вы шутите! – В голосе пажа слышалась неуверенность.

– Ну почему же? – изогнула бровь я. – Вот как раз сейчас оно страшно-престрашно скалится, тянет к тебе руки, а в глазах голодный блеск.

Майя, спокойно стоявшая, сложив руки на груди, посмотрела на меня с укоризной.

– А... И... что же делать?

Коллин попятился, но покидать комнату не спешил. Вообще, если не ошибаюсь, он испытывал целую гамму чувств, в которых страх смешивался с любопытством и даже азартом.

Я таинственно округлила глаза.

– Я постараюсь уговорить призрака тебя не трогать. Но он согласится лишь в том случае, если ты выполнишь кое-какие условия.

– А... какие именно?

Я сделала вид, что внимательно слушаю привидение. Майя лишь выразительно покрутила пальцем у виска.

– Значит, так. Во-первых, ты больше никогда не будешь заходить в чужие комнаты, предварительно не постучав, – принялась загибать пальцы я. – Во-вторых, перестанешь волочиться за дочерью портного. И, в-третьих, будешь каждое утро чистить зубы. Ты все понял? – грозно спросила я, не

давая ему времени на размышления.

Паж кивнул, правда, не слишком уверенно.

– Тогда ступай.

Коллин немного помялся на месте. В общем-то юноша понимал, что с вероятностью девять из десяти его просто разыгрывают. Но один шанс из десяти, остававшийся в пользу второго варианта, заставил его на всякий случай ретироваться из комнаты.

– Ну, и тебе самой не стыдно? – укоризненно спросила Майя, когда за пажом закрылась дверь.

– Нет, – совершенно искренне ответила я. – Нечего входить в закрытые комнаты без стука. А если бы я здесь с кем-нибудь любовью занималась?

– Запираться надо в таких случаях, – фыркнула Майя.

– Надо, – согласилась я. – Но это мелочи. Стучать все равно следует. А кроме того, портной действительно сильно волнуется из-за своей дочери, за которой ухлестывает этот мальчишка.

– Ну ладно, первые два пункта я как-то могу понять, – согласилась Майя. – Но третий... Зубы-то тут при чем?

Я немного растерянно пожала плечами.

– Не знаю... Если честно, мне просто показалось, что по всем законам жанра условий должно быть три. Вот я и сказала первое, что пришло в голову.

– Мерзавец! Негодяй! Недоумок!

Мирейя металась по комнате, подобно урагану, и яростно выкрикивала одно ругательство за другим, ни разу при этом не повторившись. Эмма испуганно вжалась в угол. Илона, чувствовавшая себя более спокойно, сидела в кресле, на всякий случай поджав ноги. Я только что вошла и теперь оценивала обстановку, остановившись на пороге.

Мирейя промчалась мимо, бросив на меня по дороге милостливый взгляд. Она определенно была вне себя от ярости. В таком состоянии люди ее положения и темперамента нередко принимают за крушить все вокруг. Однако Мирейя этого не делала. Во-первых, все бьющиеся предметы, украшавшие интерьер комнаты, были подобраны ею самолично и с большим вкусом. Утратить их из-за сиюминутной вспышки гнева оказалось бы попросту обидно. А во-вторых, дючесса, невзирая на свой взрывной характер, не имела склонности к банальной показухе. А именно к этому явлению и сводится битье посуды в абсолютном большинстве случаев.

Из уст дючессы посыпалась новая череда ругательств, на этот раз нецензурных и касающихся главным образом близких родственников некой персоны мужского пола. Интересно, и кому же удалось настолько сильно вывести ее из себя? Герцогу или новому любовнику?

– Леди Мирейя, – проговорила Илона, на которую лексикон хозяйки будуара не произвел особенно сильного впечатления, – мать герцога – это и ваша мать тоже. Вы уверены, что действительно хотите сделать все эти утверждения на ее

счет?

В голосе и выражении глаз фрейлины читался едва заметный сарказм.

Итак, стало быть, речь идет о герцоге. Что же он на этот раз натворил?

– Так и быть, все, что касается матери, я беру назад, – мрачно согласилась Мирейя. – Но только это!

– А что, собственно, произошло? – поинтересовалась я, проходя в комнату и усаживаясь в кресло неподалеку от Илоны.

Мирейя остановилась, тяжело дыша. Илона открыла было рот, но затем все-таки перевела взгляд на госпожу, сочтя, видимо, что будет правильнее, если та расскажет все сама.

С тихим рычанием герцогская сестра плюхнулась на банкетку.

– Этот мерзавец, мой драгоценный брат, надумал построить на юге благотворительную школу для ремесленников, – хмуро проинформировала меня она.

Я немного подалась вперед; взгляд оставался вопросительным. Благотворительность – это вроде бы как не порок, открытие школы – вещь полезная. Для того чтобы Мирейя так разозлилась, явно должно было произойти что-то еще.

– Он собирается открыть ее на мои деньги! – рявкнула она.

– На ваши? То есть... на какие именно? – решила уточнить я.

– На деньги из моего приданого! – просветила меня дючесса, сопровождая свои слова злым смешком.

– Это еще с какой стати?! – возмутилась я.

– Вот именно! – тут же подхватила Мирейя. – Отличный вопрос: с какой стати? Именно его я и задала моему дорогому братцу!

– То есть вы с ним об этом уже побеседовали, – сделала вывод я.

– Еще как! – гордо заверила меня Мирейя.

По ее интонации я поняла: беседа прошла так жарко, что во дворце дрожали стены.

– И как же он все это объяснил? – осторожно поинтересовалась я.

– А никак! – отрезала Мирейя. – Вожжа попала ему под хвост – и все! «Я так хочу – значит, так оно и будет!» Нет, он, конечно, долго распространялся о том, как важна эта школа для герцогства. Целую лекцию мне прочитал! Про новые возможности для бедняков, про рост материального благосостояния, про уровень мастеров и развитие южной части герцогства. Как будто я только вчера родилась! Как будто не знаю, что такими красивыми словами можно оправдать любое, даже самое нелепое начинание! И будто бы я так наивна, что даже не догадываюсь о подлинной причине, которая скрывается за этими красивыми объяснениями, но сама куда как менее благородна!

– А о какой причине идет речь? – нахмурилась я.

На этот счет у меня предположений не было, хотя я в любом случае считала, что, невзирая на цели герцога, трогать приданое своей сестры, да еще и без ее согласия, он права не имел.

– Эту школу Конрад планирует построить в Зеркальной долине. – Мирейя многозначительно хмыкнула. – Еще какие-нибудь вопросы есть?

Я поджала губы. Зеркальной долиной называли местность, расположенную на юге герцогства, которая была буквально испещрена всевозможными ручьями, речками и озерами. Видимо, из-за того, что в чистой воде постоянно отражалось небо и растущие на берегу деревья, это место стало ассоциироваться у людей с зеркалами и отсюда получило свое название. Природа там была потрясающая, купание – одно удовольствие, воздух, по утверждениям целителей, полезный.

– Брат собирается под шумок построить там для себя особняк, чтобы не сказать малый дворец, – на всякий случай пояснила Мирейя. – Якобы для того, чтобы иметь возможность курировать работу школы. Какая часть суммы уйдет на эту часть его плана, а какая – собственно на школу, не мне тебе объяснять.

Больше не в силах сидеть на одном месте, она вскочила и снова принялась мерить шагами комнату. Правда, на этот раз уже не двигалась так стремительно.

– Он просто хочет устроить себе курортный особняк и

сделать это собирается за мой счет, – заявила она, резко развернувшись на каблуках.

– Ну хорошо, допустим, что он хочет именно этого. – Я очень сильно злилась на герцога, но старалась сохранять хладнокровие, поскольку оно способствует ясности мысли. – Но герцог ведь и сам не бедствует. Почему бы ему не потратить на школу и особняк собственные деньги?

Мирейя зло рассмеялась.

– Отличный вопрос! – во второй раз похвалила меня она. – Просто чудесный. И знаешь, его я тоже задала Конраду. Как ты думаешь, что он мне ответил? Прочитал очередную лекцию. Дескать, у него нет сейчас свободных денег. Мое же приданое лежит без дела. Поэтому нет ничего более логичного, чем пустить его в ход. «А что же будет дальше, когда я вознамерюсь выйти замуж?» – поинтересовалась я. «Тогда и разберемся», – вот его ответ. Дескать, беспокоиться мне не о чем, ведь я нахожусь под его опекой. Когда понадобится, он позаботится о том, чтобы все устроилось наилучшим образом.

– То есть возратить вам эту сумму со временем он не пообещал? – уточнила я.

– Вот что мне в тебе нравится – это умение видеть суть вещей, – объявила Мирейя. – Да, он ничего не намерен мне возвращать. Это не говорится прямым текстом, но подразумевается. Если мне понадобятся эти деньги, а у него будет возможность их возместить и он сочтет мои причины ува-

жительными, то, может быть... — Она отмахнулась и снова плюхнулась на банкетку.

— И все-таки это какая-то чушь, — пробормотала я. — Что значит «у него нет свободных денег»? Он что, разорился? Как-то я до сих пор не замечала никаких признаков подобного.

— И снова уместный вопрос. — Сегодня мне впору было прямо-таки краснеть от сыпавшихся из уст Мирейи похвал, вот только настроение, вопреки этому факту, было отнюдь не радостное. — Траты большие, дел в герцогстве много, а в самом скором времени настанет пора отправлять королю собранные в этом месяце налоги. В общем, ответ у него всегда и на все найдется. — Она сжала и снова разжала кулаки. — Но этот номер у него не пройдет. — Голос Мирейи был полон решимости. — Я не позволю ему так поступить. Это мои деньги. Мое приданое. Мне его оставили покойные родители. И только мне решать, как с ним обойтись.

— Конечно, мы ему это не позволим, — успокаивающе заверила ее я.

Мирейя благодарно улыбнулась. А вот во взгляде Илоны мне виделась некоторая доля здорового скептицизма. Что ж, она права: задача непростая, и над методами придется как следует поразмыслить. Но я была твердо намерена справиться, а это, как известно, уже по меньшей мере полдела.

Я встала с кресла и неспешно прошлась по комнате, заложив руки за спину.

– Надо обратиться к королю, – уверенно заявила я затем. – Он монарх и ваш родственник. Именно он должен вступить за вас в случае, когда ваши права ущемляют. Строго говоря, это следует делать герцогу. Но если именно герцог является обидчиком, только король может вас рассудить и дать ему отпор.

К моему удивлению, Мирейя отнюдь не выказала воодушевления в связи с таким предложением. Напротив, теперь и ее взгляд стал скептическим.

– Я совершенно уверена, что король примет вашу сторону, – попыталась приободрить ее я. – В этом вопросе правы именно вы, с какой стороны ни посмотри. Тут даже не важно, как именно герцог собирается использовать деньги: на благотворительность, на развитие территории или на собственный дворец. В любом случае это – ваше приданое, и никто не вправе забирать у вас его часть.

– Я не уверена в содействии кузена так, как ты. – Король приходился Мирейе и герцогу двоюродным братом. – Кто знает, чью сторону он решит принять? Не исключено, что Конрад уже успел представить ему собственную версию. Но главное даже не это. – Мирейя тряхнула головой, заставив свои роскошные рыжие волосы качнуться из стороны в сторону, заново окутывая шею и плечи. – Брат прозрачно намекнул мне, чтобы я даже не думала о подобном решении проблемы. Дескать, все выйдет точно так же, как в прошлый раз.

Я понимающе поморщилась. В прошлый раз, когда мы пытались уведомить короля о планах герцога – и, что самое главное, преподать эту информацию со своей собственной позиции, – письмо было перехвачено. Причем произошло это еще прежде, чем гонец успел покинуть дворец.

– Брат ожидает этого шага, – продолжила Мирейя, убедившись в том, что я проследила ход ее мысли. – И он готов к такому повороту событий. Покидающая дворец почта будет просматриваться тщательно, как никогда. Подозреваю, что в ближайшее время отсюда и комар не вылетит, не будучи досмотренным. Поэтому нам следует поступить более неожиданным образом.

– У вас есть какой-то план? – догадалась я.

Илона тоже перевела на хозяйку будуара заинтересованный взгляд.

– Есть, – подтвердила Мирейя, и в ее глазах мелькнуло торжество. – Будем бороться с братом его же собственными методами. Раз он вознамерился отобрать у меня деньги, я сделаю то же самое. Заберу у него то, что стоит не меньше – или, во всяком случае, не намного меньше – моего приданого. И пригрожу, что если он не отступится от этого грабежа, то и сам останется с носом. А я возьму собственные убытки, продав его вещь.

– Что же это за вещь, если она стоит такую баснословную сумму? – нахмурилась я.

В соседнем кресле охнула Илона, видимо, оказавшаяся

более догадливой.

– Строго говоря, она вообще не имеет цены, – спокойно отозвалась Мирейя.

– Пойдите... – Кажется, до меня тоже начало доходить. – Вы что же, говорите о бриллианте? О «Слезе великана»?

– О нем самом. – Довольная улыбка озарила лицо Мирейи.

«Слезой великана» назывался единственный в своем роде бриллиант – голубой, чистой воды и буквально-таки огромный для драгоценного камня. Он являлся семейной реликвией рода Альмиконте, перешел нынешнему герцогу по наследству от его отца и хранился в дворцовой сокровищнице.

– Что скажешь, Несси?

– Но как вы предполагаете это осуществить? Бриллиант лежит в сокровищнице, доступ туда закрыт. Войти и тем более что-либо вынести можно только в присутствии герцога, с его согласия либо предъявив охране распоряжение с его личной печатью. А ее невозможно подделать.

Все присутствующие отлично знали, что у Мирейи был свой человек, способный подделать почерк герцога, включая даже подпись последнего. Но печать – совсем другая история. Ее очень тщательно изготовил лучший мастер, и подделать ее действительно было бы нереально.

– Все верно, – подтвердила дючесса, уже успевшая обдумать и этот аспект своего плана. – Поэтому печать придется выкрасть. Совсем ненадолго. Составить соответствующий

документ, быстро пройти с его помощью в казну и забрать бриллиант. После чего незамедлительно переправить драгоценность в надежное место. Во дворце люди Конрада рано или поздно сумеют ее найти.

Мирейя, вне всяких сомнений, ожидала от меня одобрения. Но после непродолжительных размышлений я решительно покачала головой:

– Я категорически против.

– Что? – Мирейя не рассердилась, но на ее лице я прочитала искреннее удивление.

– Госпожа, я считаю, что так действовать нельзя.

Я знала, что в общении с Мирейей могу говорить прямо, и считала важным пользоваться этой возможностью.

– Поясни.

– Риск огромен, – принялась перечислять минусы предложенного плана я. – Сначала надо выкрасть печать из личных покоев герцога. Потом получить бриллиант по поддельному документу. А ведь учитывая его особую ценность, стража может и не позволить его забрать, даже с бумагой. Что, если они отправят человека к герцогу для уточнения его намерений? Хорошо, если при этом у получателя окажется возможность сбежать. А если его оставят под охраной? Ну а о том, чтобы переправить бриллиант из дворца, я и вовсе молчу. Как это сделать, учитывая, что мы опасаемся даже отправить письмо? К тому же куда его отвезти потом? И кого отрядить для охраны? Ведь это безумно ценная вещь! Не приведите

боги, его кто-нибудь украдет! Что мы станем делать тогда? Да и потом, – я в очередной раз неодобрительно покачала головой, стараясь призвать Мирейю к благоразумию, – это ведь не просто рискованный шаг. Не просто интрига. Это противозаконно. Мы говорим о серьезнейшей краже. Больше того, это – кража из казны герцогства. А это значит, она приравнивается к государственному преступлению. Кража печати – тоже. Леди Мирейя, поверьте мне, если что-то сорвется, ваш брат так этого не оставит. Да даже если и не сорвется. Он найдет способ создать для вас очень серьезные проблемы. Гораздо более серьезные, чем использование части приданого. Я уж молчу о том, какая судьба ждет исполнителей. С нами точно церемониться не станут. За преступления государственного масштаба наказания предусмотрены вплоть до смертной казни. И даже для дворян. Пожалуй, как раз для дворян-то и в первую очередь.

– Я целиком и полностью поддерживаю Несси, – заявила со своего места Илона.

Мирейе наше единодушие явно не понравилось. Поджав губы, она оглядела нас не слишком довольным взглядом. Впрочем, недовольство недовольством, но и ярости наше сопротивление у нее не вызвало. В отличие от недавнего поступка герцога. Ситуация ей не нравилась, но она была готова отнестись к нашей позиции с пониманием.

– Стало быть, ты отказываешься участвовать в такой затее? – спросила она у меня.

– Да, – подтвердила я. – Я не стану принимать в этом участие и считаю, что действовать надо иначе. – Я старалась говорить как можно более убедительно. – Следует еще раз обдумать возможные способы отправления письма, а параллельно поискать альтернативные варианты. Леди Мирейя, я уверена, мы что-нибудь придумаем. Но похищение бриллианта приведет нас всех к проигрышу.

– А ты, Илона? – повернулась к моей подруге Мирейя.

– Я полностью солидарна с Несси.

В голосе Илоны не прозвучало и тени сомнения.

Мирейя немного подумала, прикусив губу и барабаня ухоженными пальцами по изящно изогнутой спинке кресла.

– Хорошо, – наконец вздохнула она. – Я тщательно обдумая все, что вы сказали. И приму решение.

Больше в тот вечер тема приданого не поднималась.

Глава 3

Всякий раз, когда человек допускает глупость, он делает это из самых благородных побуждений.

Оскар Уайльд

В том факте, что этим утром я рано встала, не было ничего удивительного. Я вообще имею природную склонность к образу жизни жаворонка. Моя мать в свое время весьма неодобрительно к этому относилась, отмечая, что подобный распорядок дня подходит для крестьян, а не для знати. В чем-то она была права. Большинство обитателей дворцов просыпались поздно, нередко вылезая из постели ближе к одиннадцати. Разумеется, я не имею в виду слуг. Однако не стоит строго судить моих приятелей придворных. Важно помнить, что и заканчивается их день далеко не рано. Это простые люди встают и ложатся вместе с солнцем. Дворцовая же жизнь не так зависима от цикла, диктуемого природой. Экономить свечи у нас не принято. А уж в том случае, если герцог дает придворный бал, никто и вовсе не ложится спать до утра.

Вы можете спросить, как мне удается держаться на ногах до позднего часа, учитывая привычку рано просыпаться. На самом деле это не составляет особого труда. Достаточно всего лишь час-полтора поспать днем. Такая возможность у меня в большинстве случаев есть. Отдохнув после обеда в по-

стели или же на специально предназначенном для этой цели шезлонге, я вновь бываю бодра, энергична и готова к действию. А действовать, учитывая царящую во дворце обстановку, приходится практически постоянно.

Вот и на этот раз утро вышло нескучным. Около девяти часов я, полностью одетая, умытая, накрашенная и причесанная – процессы, на каковые, как и обычно, ушло совсем не мало времени, – прогуливалась по коридорам дворца. Можно было бы сказать, что к покоям герцога я пришла в силу чистой случайности или благодаря какому-нибудь особому дару предвидения. Однако в действительности все объяснялось куда проще. После вчерашнего разговора с Мирейей все мои мысли занимал вопрос о ее приданом и способах решения проблемы. Поэтому совершенно неудивительно, что ноги сами принесли меня к покоям герцога – человека, который нес ответственность за всю эту историю.

Ясное дело, сам по себе тот факт, что я увидела у входа в кабинет Кэмерона Эстли, нисколько меня не удивил. Шокирующим оказалось совсем другое. Граф о чем-то говорил с лакеем, которого, по-видимому, повстречал, немного не дойдя до двери. А из кабинета через приоткрытую щель на меня умоляюще смотрела Эмма.

Я мысленно выругалась, используя при этом выражения, которые были весьма в духе Илоны. На то, чтобы разобраться в происходящем, ушло всего несколько секунд. Все было ясно, как день. Мирейя вовсе не собиралась отказываться

от своего смелого, а точнее, безумного плана. Раз мы с Илоной не стали поддерживать ее в этом начинании, она просто нашла себе другую помощницу. Эмма, конечно же, была согласна на все. Ей даже не пришло бы в голову как-то оценивать намерения Мирейи. Она просто пошла и сделала то, чего пожелала ее госпожа. Точнее сказать, попыталась сделать.

Вот тут-то и была загвоздка. Видимо, она сумела незаметно пробраться в кабинет герцога. Вполне вероятно, что ей также удалось отыскать печать. Не удивлюсь, если в данный момент камеристка прятала ее в одном из карманов своего платья. Но тут случилась неприятность: к кабинету подошел лорд Эстли. Причем, вероятнее всего, именно туда он и направлялся. Это следовало из позы, в которой он стоял, разговаривая с лакеем, – полуобернувшись к двери. Один раз он даже потянулся к ручке, но слова лакея заставили его задержаться. Однако еще немного – и этот разговор закончится. Лакей – не придворный, так что они точно не переместятся для беседы в какую-нибудь гостиную. Обсудят все дела, Эстли закончит отдавать распоряжения – и каждый пойдет своей дорогой. А дорога графа явно вела напрямиком в кабинет.

Я напряженно сжала губы. Еще минута, от силы две – и Эстли застанет Эмму на месте преступления. Что же делать?

Нет, ради служанки я бы и палец о палец не ударила. Сама виновата: страдает за собственную глупость. Преданность преданностью, но и голову на плечах тоже надо иметь, предмет не лишний. Ведь я уверена: Мирейя не принуждала ее к

содействию; Эмма пошла туда по собственной доброй воле. А преданность человеку заключается вовсе не в том, чтобы неукоснительно исполнять любое его пожелание. По моему глубокому убеждению, иногда она заключается в прямо противоположном. Как раз как в нынешнем случае. Если Эмма сейчас попадетсЯ, пострадает и Мирейя. И именно это заставило меня вмешаться.

Эх, не хотела я иметь никакого отношения к краже печати и бриллианта. Но, кажется, мне не судьба остаться в стороне.

Лакей отвесил почтительный поклон, а затем направился прочь по коридору, спеша выполнить распоряжения графа. Эстли шагнул к двери; перепуганное лицо Эммы исчезло из щели, когда она нырнула поглубже в комнату.

– Лорд Кэмерон!

Я бросилась ему навстречу. Эстли выжидательно замер, слегка удивленный моей поспешностью. Не давая графу опомниться, я схватила его за обе руки и взволнованно заглянула в глаза. Одновременно как бы невзначай разворачивая его спиной к двери кабинета.

– Лорд Кэмерон, вы были абсолютно правы! – эмоционально воскликнула я.

Эстли нахмурился, несколько сбитый с толку моим напором. Впрочем, его ответ прозвучал весьма уверенно.

– Разумеется, я был прав, – без тени сомнения подтвердил он. – А в чем именно?

Вот ведь самоуверенный наглец! Но вслух я сказала со-

всем другое:

– Вы были правы насчет меня. Тогда, на балу. Когда говорили, что я не завожу любовников, потому что есть один мужчина, к которому я давно и тайно пылаю страстью.

Слова сыпались из моих уст все быстрее и быстрее. Один взгляд краем глаза проинформировал меня о том, что Эмма снова приблизилась к щели и теперь жадно следит за нашим разговором, готовая использовать первый же удобный случай, чтобы сбежать. Беда заключалась в том, что из своего нынешнего положения Эстли все еще мог заметить ее боковым зрением, если бы она выскочила в коридор. Поэтому я вцепилась в предплечья графа пуще прежнего, незаметно разворачивая его еще немного.

– Я никому не решалась рассказать, кто это, – продолжила тараторить я, старательно отвлекая внимание Эстли. – Да что там, я даже самой себе не решалась признаться в своих чувствах. Но теперь я не могу больше молчать. Этот человек – вы.

И прежде, чем вконец ошарашенный лорд Кэмерон успел хоть как-то отреагировать на такое признание, я встала на цыпочки и поцеловала его в губы.

Пожалуй, «поцеловала» – это даже не совсем верное слово. Я обхватила голову Кэмерона руками и буквально впилась в его губы своими, стараясь задавить его таким напором, не позволить вырваться из объятий и сосредоточиться на чем-либо другом. Впрочем, вырваться он особо и не пы-

тался. Сначала просто шокированно застыл, никак не реагируя на мои действия. Но очень быстро опомнился. И тогда его руки обхватили мою спину и плечи, а губы заработали не менее старательно, чем мои собственные. Ну, согласитесь, глупо было бы на его месте не воспользоваться ситуацией.

Целовался Кэмерон Эстли хорошо. Лучше всех моих бывших любовников; впрочем, за сроком давности я могла что-то и подзабыть. Но его губы определенно действовали очень умело, горячо и мягко одновременно. От него приятно пахло каким-то дорогим парфюмом из тех, что не дают резкого аромата, а как бы невзначай обволакивают, заставляя находящуюся рядом женщину испытать легчайшее головокружение. Я почувствовала, как по телу пробежали мурашки, а потом меня, наоборот, бросило в жар. Пальцы жадно вцепились Кэмерону в волосы, рискуя вырвать из них клочок, а губы заработали более агрессивно. Руки стали постепенно опускаться все ниже, соскользнули по шее на спину и стали передвигаться к бедрам. Одновременно я чувствовала, как его длинные пальцы ласкают мою собственную спину.

Краем глаза я уловила легкое движение слева от себя. Эмма решила выскользнуть из кабинета, проделала на цыпочках несколько шагов, а затем пошла по коридору как ни в чем не бывало. Словно только что поднялась по лестнице и теперь просто шествовала мимо.

Теперь можно было прекращать поцелуй, вот только беда заключалась в том, что мне совершенно не хотелось этого

делать. Эй, Несси, возьми себя в руки! Спектакль закончен, артистке настала пора ретироваться, прежде чем обманутая публика забросает ее гнилыми помидорами! Тем не менее я не удержалась и напоследок жадно исследовала ладонями его бедра, одновременно целуя так, словно хотела затянуть его внутрь себя.

А потом резко вырвалась. Отступила, опустила глаза, сцепила перед собой руки.

– Простите! Простите, я не знаю, что на меня нашло! – воскликнула я. Щеки пылали вполне подходящим для роли румянцем. – Умоляю вас, забудьте о том, что только что произошло!

С этими словами я бросилась бежать. К счастью, ни догнать меня, ни окликнуть Кэмерон не попытался.

Под высоким потолком будуара дючессы уже не первую минуту звучал громкий девичий хохот. Мирейя дошла до той стадии, что просто всхлипывала, одной рукой держась за спинку стула, на котором сидела боком, а другой утирая текущие из глаз слезы. Илона тоже смеялась, хотя моя история и свидетельствовала о том, что я пренебрегла ее советом насчет лорда Кэмерона. Это отнюдь не помешало ей хохотать, уронив голову на руки. Я тоже улыбалась, но была чуть более сдержанна: все же для меня, в отличие от остальных присутствующих, недавнее происшествие было сопряжено с некоторой долей неловкости.

– Бедный лорд Этли! – с трудом выдавила сквозь смех Мирейя, растирая слезы по лицу. – Как же он станет жить дальше? Что ты ему сказала? «Забудьте обо всем, что произошло»?

– Что-то в этом роде, – подтвердила я.

– Такое, пожалуй, забудешь! – проявила скептицизм Илона.

– Да ладно, переживет, – отмахнулась я.

Вот уж в чем я точно не сомневалась, так это что Этли страдать не станет. И без малейших сложностей подберет себе девицу, которая не будет требовать от него подобной потери памяти.

– Ну? – спросила между тем Мирейя. Я взглянула на нее с недоумением. – Рассказывай! – призывно уточнила она.

Я перевела непонимающий взгляд на Илону, лишь для того, чтобы убедиться: подруга тоже чего-то от меня ждет. Это заставило меня напрячься и сесть более прямо. До сих пор я полулежала, вольготно устроившись на банкетке на правах героини дня.

– Так я же вам все уже рассказала, – выразила свое недоумение я. – Вы что же, считаете, что такой истории за одно утро мало? Лично мне нервной встряски более чем хватило!

– Ты не поняла, – покачала головой Мирейя. – Твоей истории вполне достаточно, но ты кое-что опустила.

– Что? – Я непонимающе захлопала ресницами.

Мирейя подалась вперед, и ее глаза блеснули жадным лю-

бопытством.

– Как? – только и спросила она.

– Что «как»?

Я, напротив, отклонилась чуть назад.

– Как это было? Что здесь непонятного? – весело возмущалась Мирейя. – Лорд Кэмерон хорошо целуется?

– Ах, это...

Я поджала губы и посмотрела на собеседниц исподлобья. У меня не было ни малейшего желания вдаваться в такие подробности. Нет, сами факты я могла пересказывать хоть по многу раз без малейших проблем. Но вот распространяться о своих ощущениях – это увольте. Особенно учитывая, что поцелуй понравился мне гораздо больше, чем я сама рассчитывала. И ладно бы еще я целовалась с приличным человеком, тогда не стыдно было бы признаться, что я получила удовольствие от процесса. Но не сейчас, когда речь шла об этом самоуверенном негодяе! Кстати, интересно, а ему самому понравилось? Если судить по его реакции, то вроде бы да... Черт, ну и что я несу?!

– Не знаю, – сухо ответила я вслух. – Я уже давненько ни с кем не целовалась. Теряю квалификацию. Поэтому мне сложно сравнивать. Наверное, нормально целуется.

Мирейя капризно скривила губы, неудовлетворенная таким ответом.

– Да и вообще, какое это имеет значение? – Почему-то затронутая тема начала меня злить. – Какая разница, как он

целуется?

– Что значит «какая разница»?! – пуще прежнего разве-
селилась Мирейя. – Поцелуи – это важная часть личных от-
ношений.

– Очень важная! – подхватила Илона.

– Леди Мирейя, не пугайте меня! – взмолилась я. – Какие
личные отношения? С кем? С Кэмероном Эстли?

– А что тут такого? – сыграла удивление дючесса. – Вид-
ный, между прочим, кавалер.

Я схватилась за голову и громко застонала. Благо в отсут-
ствие свидетелей могла позволить себе относительно фамил-
ярное поведение с Мирейей. Илона не в счет, она своя.

– Очень видный, – веско произнесла последняя.

Я снова схватилась за голову, от которой успела было от-
нять руки.

– Илона, – мой голос был полон сарказма, – не ты ли со-
всем недавно распространялась о том, насколько опасный
человек Кэмерон Эстли? А теперь, значит, предлагаешь мне
завести с ним интрижку?

– Эх, Несси, Несси, – укоризненно вздохнула подруга. –
Неужели ты до сих пор не поняла, что как раз из опасных
людей и получают самые лучшие любовники?

Мирейя одобрительно хмыкнула.

– И вообще, почему ты решила, что мы с Илоной говорим
о простой интрижке? – добавила она. – Может быть, речь
идет о большой и чистой любви? А что, мы могли бы вас

поженить. Я бы лично занялась организацией свадьбы.

– В-вы издеваетесь? – с надеждой пролепетала я.

– Ну, конечно, издеваемся! – расхохотавшись, призналась Мирейя. – Точнее сказать, подшучиваем. Ну полно, не обижайся! – Она присела рядом со мной на банкетку и приобняла меня за плечи. – Конечно же, я ни за что на свете не отдала бы тебя на растерзание такому человеку, как Эстли. И я необыкновенно признательна тебе за то, что ты сегодня сделала. – Она встала с банкетки, отошла на несколько шагов и снова обернулась с лукавой улыбкой на лице. – Однако в одном я не шутила. Если надумаешь выходить замуж, я обязательно все устрою наилучшим образом.

– Спасибо, – рассмеялась я. – Думаю, на этот счет вы еще долго можете не беспокоиться. Я выйду замуж только в том случае, если найду оптимальную кандидатуру. Можно сказать, идеальную. А это достаточно маловероятно.

– А что такое, с твоей точки зрения, идеальная кандидатура? – с живым интересом спросила Илона. – Какой он, идеальный супруг?

Мирейя ждала ответа не менее заинтересованно. Я задумалась, запрокинув голову. Разве легко такое сформулировать?

– Идеальный супруг – это... это... – Я замолчала, щелкнув пальцами. На моем лице расцвела блаженная романтическая улыбка. – Это, знаете, такой... – Правильные слова наконец-то пришли мне на ум. – Это такой, который не пу-

тается под ногами.

Я произнесла эти слова с романтической поволокой во взгляде. И обиженно уставилась на хохочущих девушек. Вот, спрашивается, неужели в моих чувствах было что-то непонятное?

Дверь распахнулась, и в комнату без обычного для таких случаев стука влетела Эмма. Смех мгновенно стих; взгляды скрестились на камеристке. Она остановилась у входа, тяжело дыша, опираясь о дверную ручку.

Дело заключалось в том, что Эмме удалось выкрасть печать из кабинета герцога. Когда я помогла ей сбежать, она устремилась напрямик к Мирейе. Поддельное письмо, необходимое, чтобы попасть в сокровищницу и вынести оттуда драгоценный камень, было приготовлено. После этого камеристка незамедлительно отправилась туда. И вот теперь вернулась.

Судя по частоте дыхания Эммы, раскрасневшимся щекам и огорченно-виноватому выражению лица, поход в сокровищницу прошел не слишком удачно. При этом камеристка сжимала в кулаке помявшееся от такого обращения письмо. То самое, на котором красовалась личная печать герцога.

– Ну как? – Мирейя была уже на ногах. – Что произошло?

– Простите, госпожа, – пролепетала Эмма, виновато склоняя голову. – У меня ничего не вышло.

Мы все ждали объяснений, но их не последовало: камеристка просто стояла на месте в приступе самоуничтожения,

опустив голову и сцепив перед собой руки, в которых продолжало комкаться письмо.

– Что произошло? – требовательно спросила Мирейя, взяв служанку за руку, дабы вывести ее из оцепенения.

Эмма вздохнула и, подняв на госпожу глаза, заговорила:

– Мне не позволили войти. Сказали, что без специального распоряжения ничего не могут сделать.

– А письмо? Ты показала им письмо с печатью?

– Показала. Но они даже не сочли нужным его прочитать. Лишь посмотрели вскользь.

– Но печать моего брата они видели?

– Видели, – прежним виноватым тоном ответила Эмма. – Но сказали, что это не имеет значения. Что поступил новый указ, согласно которому в сокровищницу разрешено входить только герцогу, его камердинеру и лорду Этли. Все остальные могут войти исключительно в сопровождении одного из этих людей. Я попыталась настаивать, но они пригрозили, что в этом случае вызовут начальника охраны... И я ушла.

Эмма вновь опустила голову.

– Они сказали, когда был отдан этот новый указ? – подала голос я.

Плечи камеристки вздрогнули, словно она и тут видела свою вину.

– Всего за несколько минут до моего появления, госпожа, – пролепетала она.

Мирейя сжала зубы, с трудом сдерживая рвущееся с губ

проклятие.

– Отдохни, Эмма, – сказала она. – Выпей воды и успокойся. Не твоя вина, что все так произошло. Ты хорошо мне послужила.

Камеристка, немного успокоенная такими словами, но все еще переживающая, вышла в соседнюю комнату.

Я же откинулась назад, опираясь спиной об изножье кровати, вплотную к которому стояла банкетка. На губах расцветала широкая улыбка, в которой восхищение смешивалось со злостью.

– Он все-таки обо всем догадался, – констатировала я. – И до чего же быстро! Как ему только это удалось? Все-таки он невероятно умный мерзавец.

– О ком ты? – резко спросила Мирейя.

– О Кэмероне Этли, разумеется, – уверенно откликнулась я. – Никто другой не сумел бы так оперативно просчитать наперед все наши ходы.

Мои слова почти сразу же получили неожиданное подтверждение. В дверь постучали, и в комнату вошел сопровождаемый горничной лакей.

– Леди Альмиконте. – Он отвесил подобающий случаю поклон. – Я уполномочен передать письмо от лорда Кэмерона Этли. Оно адресовано леди Инессе Антего.

Я устремила взгляд на Мирейю. Получив от нее кивок, вытянула руку. Лакей подошел и вложил в нее конверт.

– Я говорила ему передать письмо мне, но он отказался, –

пожаловалась Мирейе горничная, оправдываясь, что пустила в покои постороннего.

– Мне было приказано вручить письмо в собственные руки.

Лакей говорил смиренно, как бы принося извинения, но у него на лице одновременно читалась уверенность в собственной правоте. И то верно: приказ есть приказ. Тем более когда он исходит от такого человека, как Эстли.

– Давай же, читай! – нетерпеливо поторопила меня Мирейя, едва за слугами закрылась дверь и мы снова остались втроем.

Я вскрыла конверт и развернула квадратный лист светло-желтой бумаги. На нем красивым витиеватым почерком было выведено несколько предложений. Я принялась читать. По мере того как глаза пробежали по тексту, меня все сильнее и сильнее охватывала ярость. Я буквально физически ощущала опутавшую тело и душу злость. Руки задрожали, в глазах потемнело. Я до боли стиснула зубы. Казалось, если бы автор письма находился сейчас в этой комнате, я бросилась бы на него и задушила собственными руками.

Дочитав, я скомкала письмо в кулаке, пытаясь хотя бы таким образом выместить свою злость на его автора. Затем в сердцах швырнула листок в сторону. Увы, далеко он не улетел: бумага была слишком легкой.

– Да как он смеет! – прошипела я, удивляясь самой себе. Честно говоря, собственная реакция на письмо немного

меня пугала. Я не могла припомнить, чтобы хоть когда-нибудь была так на кого-либо зла. До зубовного скрежета, до пляшущих кругов перед глазами. Казалось, лишь крохотный шагок отделяет меня от полной потери контроля над собой.

Меж тем Илона подобрала письмо, с которым я обошлась столь жестоко. Разгладила лист и, не спрашивая у меня разрешения, принялась читать. Я, в общем, не возражала. Меня вообще мало волновало происходящее, поскольку эмоционально я была сосредоточена на всепоглощающем чувстве ярости.

– Что он о себе возомнил?! – продолжала бушевать я.

И поначалу не обратила внимания на то, как губы подружки по мере прочтения растягиваются в улыбке. Заметила ее реакцию лишь тогда, когда Илона, дочитав, расхохоталась в полный голос.

– Ты находишь, что в этом есть что-то смешное?! – возмутилась я, перенося частичку своего гнева на фрейлину.

Та поднесла руку к груди, видимо, намеренная что-то мне объяснить, но не смогла произнести ни слова от скрутившего ее смеха. Я возмущенно хватала ртом воздух, не в силах что-либо сказать в ответ на такое вопиющее поведение.

Мирейя решительно выхватила письмо у Илоны из рук. Села в кресло, всем своим видом транслируя спокойствие и уравновешенность, каковых сейчас катастрофически не хватало обеим ее фрейлинам, и принялась размеренно читать вслух. Правда, после первой пары строчек она все-таки оста-

новилась и изумленно подняла глаза, но потом все же заставила себя читать дальше. Письмо гласило:

«Дорогая леди Инесса!

Надеюсь, вы получили от кратковременного обладания печатью герцога такое же удовольствие, какое я получил от кратковременной близости вашего тела. Спешу уведомить, что выбранный вами метод оплаты целиком и полностью меня устраивает. Страстный поцелуй молодой женщины из графского рода – достойная цена за одалживание печати. В случае, если вы пожелаете расплатиться подобным образом за другие услуги, обращайтесь ко мне без стеснения.

Ваш Кэмерон Этли.

P.S. Будьте любезны как можно скорее вернуть печать ее законному владельцу. Для того чтобы расплатиться за обладание ею на постоянной основе, вам придется по меньшей мере два месяца не вылезать из моей постели».

– Н-да... – протянула Мирейя, не сразу нашедшая для реакции другие слова.

– Я его убью, – процедила я. – Оторву ему голову. А потом задушу. Или наоборот. И пусть меня даже за это казнят.

– Ну-ну, не говори ерунды, – мягко попросила Мирейя. – Мы найдем другой способ заставить его пожалеть об этом письме.

– А ты! – Я указала на Илону трясущимся указательным пальцем. – От тебя я такого не ожидала!

– Ну прости, Несси, – взмолилась подруга, стараясь вернуть своему лицу выражение серьезности. – Но неужели ты не видишь? Это письмо – это же почти признание поражения! Я говорила, таких, как Эстли, лучше не обыгрывать, но все равно не могу не восхититься твоим успехом.

– Каким еще успехом? – сдвинула брови я, готовая обидеться всерьез, если окажется, что Илона издевается.

Лично мне письмо Кэмерона казалось не успехом, а величайшим унижением в моей жизни. Он ведь откровенно намекал на то, что я повела себя как продажная женщина. И, что самое мерзкое, представлял ситуацию таким образом, что я и сама была почти готова с ним согласиться.

– Каким? – повторила Илона таким тоном, словно ответ был очевиден. – Несси, разве ты не видишь, в какой он находился ярости, когда писал это письмо? Он же вне себя от бешенства!

– Ты думаешь? – с сомнением протянула я. Интерпретировать письмо таким образом было бы приятно; во всяком случае, это помогло бы мне как-то примириться с его содержанием. Однако самой мне не очень-то верилось в предположение Илоны. – По-моему, никакой ярости тут нет. Он просто надо мной издевается. Самодовольно дает понять, что всегда меня переиграет, и сыплет оскорблениями, получая от этого немалое удовольствие.

– Просто издевается? Удовольствие? – переспросила Илона, недоверчиво покачивая головой. – Несси, да он же рвет и мечет! Готова поспорить, что это идеально отточенное письмо – по меньшей мере десятый вариант, а остальные девять, скомканные, лежат в мусорной корзине и дожидаются отправки в камин. Сначала он прорабатывал формулировку, потом выбрасывал черновики из-за прыгающего от гнева почерка. Ходил из угла в угол, сжимал кулаки от злости, а может быть, как следует стукнул пару раз по какому-нибудь предмету.

– У тебя богатое воображение, – хмуро проговорила я. – Не знаю, по-моему, все было совсем не так. Он просто спокойно сидел, развалившись в кресле, неспешно попивал вино и ехидно усмехался, придумывая очередную гадость.

– Ох, подруга, ты все-таки плохо разбираешься в мужчинах, – попеняла Илона. – Тебе надо срочно уйти в загул, ну или хотя бы иногда затаскивать кого-нибудь в койку.

Мирейя при этих совсем не светских словах поморщилась, но Илона привычно не обратила на это внимания.

– В том-то и дело, что Эстли оскорбляет тебя практически в каждой фразе, – принялась она объяснять мне, будто малому ребенку. – Будь он, как ты говоришь, спокоен и ослаблен, сделал бы это ровно один раз за письмо. Но нет, он взбешен настолько, что не знает меры. Очень, кстати сказать, не в его духе. По-видимому, тебе удалось очень сильно его уязвить.

Я исподлобья поглядела на подругу, все еще не зная, соглашаться или не соглашаться с ее доводами. Как минимум сама Илона казалась полностью убежденной в своей правоте. Ладно, я успею подумать об этом позднее, на свежую голову. Точнее, когда вновь обрету возможность холодно мыслить. В ближайшие пару часов мне это явно не грозит.

В этот момент в комнату вошла Эмма. Я резко развернулась и медленно шагнула ей навстречу, словно змея, ползущая по направлению к приглянувшейся мыши.

– Эмма, – негромко проворковала я. – Полагаю, печать еще у тебя?

Камеристка взволнованно кивнула, по выражению моих глаз догадавшись, что ей сейчас достанется.

– Так вот, – произнесла я все тем же тихим, нежным голосом. – Сейчас ты пойдешь и сделаешь так, чтобы печать вернулась на свое прежнее место. Каким угодно способом, мне все равно. Ты это поняла? – Я дождалась опасливого кивка служанки. – В противном случае, – я резко повысила голос и закончила, почти крича, – я продам тебя лорду Эстли в сексуальное рабство! Надеюсь, тебе все понятно?

Глава 4

*Хоть в сказке мудрецы искать неправды
станут,*

А все ж, пока живут мамыши да сынки,

Да бабушки, да вну́чки, да внучки, —

Ее рассказывать не перестанут.

Шарль Перро

Стулья в Салатовом зале были расставлены широким полукругом. Благодаря мягкой обивке на сиденьях и спинках, а также удобным подлокотникам придворные чувствовали себя весьма комфортно. Рассказчик сидел на таком же стуле, установленном лицом к остальным, в центре полукруга. Для хозяйки вечера, леди Мирейи Альмиконте, было приготовлено особое место, недалеко от рассказчика. Оно указывало на высокое положение этой женщины, но одновременно демонстрировало ее готовность уступить право на всеобщее внимание специально приглашенному гостю.

Жерар Рошъен, коренастый мужчина лет пятидесяти, с почти совсем седыми волосами и в то же время по-детски веселыми глазами, избрал весьма нестандартное увлечение. Чрезвычайно редкое для представителей дворянства, хотя весьма распространенное среди крестьян. Этот человек был сказочником. Он собирал волшебные истории, записывал их, общаясь с простыми людьми, затем перекраивал на свой

лад, в частности, облекая в форму, более подобающую для высшего общества, и наконец, рассказывал эти новые версии на светских приемах. Таково было его хобби. Впрочем, он так серьезно относился к этому занятию и уделял ему столько времени, что, возможно, оно стало и профессией. Кто же разберет, где проходит неуловимо тонкая грань между первым и вторым?

Мы с Дэйвидом сидели на стульях среди прочих гостей. Можно сказать, это было второе наше свидание. Первое (не считая знакомства на балу) состоялось несколько дней назад, по инициативе молодого человека. Тогда мы гуляли по саду и вполне неплохо провели время. Разговаривали обо всем и ни о чем. Он рассказывал о своем детстве, о матери, о книгах. Я – о хитросплетениях придворной жизни. Все было чинно, спокойно, так, как положено. Никаких неожиданных поцелуев, страстных объятий и пошлостей в разговоре. Никаких сюрпризов – в том числе и неприятных. И я сочла, что второе свидание вполне допустимо. И на этот раз сама позвала его на чтения.

По моей просьбе Мирейя устроила для Дэйвида приглашение на сегодняшнее мероприятие, хотя оно и было предназначено в основном для придворных. Более того, она по собственной инициативе развернула бурную деятельность и организовала для молодого барона право беспрепятственно входить во дворец тогда, когда ему заблагорассудится. Так что теперь мы с Дэйвидом имели возможность встречаться

довольно часто. Оставалось выяснить, хотим мы того или нет.

Рассказываемые сказочником истории делились на три категории: смешные, страшные и романтические. Некоторые были написаны в прозе, другие – в стихах. Начал Рошъен как раз со стихотворения – «Сказки для романтически настроенных мужчин»:

*На свете жил прекрасный принц,
Не трус и не повеса.
Любил сильнее всех девиц
Он юную принцессу.*

*Увы, царица не могла
Открыть ему объятия,
Поскольку много лет спала,
Став жертвою заклятья.*

*Принц сел на верного коня,
Призвал свою удачу,
Скакал три месяца, три дня
И три часа в придачу.*

*Как провидения гонец,
Преграды и завесы
Он одолел и наконец
Поцеловал принцессу.*

*От продолжительного сна
Красавица очнулась.
«Ах, милый!» – молвила она
И сладко потянулась.*

*Разорван дьявольский клубок!
... Тут девушка зевнула,
Затем легла на правый бок
И тот же час уснула.*

*Принц в страхе бросился в кровать —
Красивый, юный, статный —
И стал девицу целовать,
Причем неоднократно.*

*С таким любая б ожила,
От мертвой до лягушки,
А эта девушка – спала,
Обняв рукой подушки.*

*Мораль и выводы ясны.
О юноша, не лгу я:
Коль дева больше ценит сны,
Найди себе другую!*

Я слушала вполуха, сосредоточенная все больше на собственных мыслях. Взгляд то и дело скользил к расположившемуся в самом конце зала Эстли. Граф сидел недалеко от двери, готовый быстро покинуть помещение в случае, если

его вызовут по какому-нибудь неотложному делу – что случалось нередко. Эстли никак не шел у меня из головы, поскольку проблема с приданым Мирейи по-прежнему стояла весьма остро. Было необходимо придумать какой-нибудь план на смену провалившейся затее с герцогской печатью. Впрочем, тот факт, что она провалилась, меня скорее радовал, чем огорчал. Повезло еще, что Эмме удалось без особых сложностей возвратить печать.

Однако вскоре мое внимание переключилось на другой предмет, и, к моему стыду, вынуждена сказать, что предмет этот был по-прежнему далек от творчества сказочника. Потихоньку оглядывая зал, я заметила, что леди Одри Стелтон, самая юная из фрейлин Мирейи (по-моему, ей не было еще и девятнадцати), сидит рядом с бароном Кроуном, придворным из свиты герцога. Нет, сам факт такого соседства меня бы не смутил, пусть даже он не являлся результатом случайного выбора стульев. Да, во дворце имело место своего рода противостояние между двумя лагерями – сторонниками герцога и теми, кто поддерживал его сестру. Однако в большинстве случаев это не подразумевало личного конфликта между придворными. Мы с лордом Кэмероном – исключение. Как-никак мы не просто придерживаемся той или иной стороны, а всеми доступными (а иногда и недоступными) способами продвигаем ее интересы. Так вот, смутило меня то, как эти двое – Одри и Кроун – общались во время выступления сказочника. Барон то брал девушку за руку, то при-

обнимал за плечи, то и вовсе сжимал пальцами ее коленку. Словом, его поведение было на грани приличия, а в некоторых случаях, пожалуй что, и за гранью. Одри, в свою очередь, явно чувствовала себя не в своей тарелке. Она сидела напряженная, как натянутая струна, на бледном лице выступил ярко-алый румянец. Время от времени девушка пыталась осторожно вывернуться, избегая прикосновений Кроуна, но тот очень настойчиво притягивал ее обратно к себе, и она не сопротивлялась.

Увиденное казалось крайне подозрительным и сильно мне не нравилось, однако, пока Рошъен продолжал читать, я не могла каким-либо образом вмешаться в происходящее. Поэтому оставалось только наблюдать, что я и делала.

Между тем стихотворение подошло к концу, и Рошъен принялся рассказывать другую сказку, на сей раз в прозе. Это была известная в общем-то история про девушку, у которой была злая мачеха и злые сводные сестры, заставлявшие ее тяжело трудиться сутки напролет. Про то, как девушка отправилась на бал в наколдованном феей платье и туфельках, отороченных мехом, и как влюбившийся в нее принц впоследствии нашел ее по потерянной туфельке.

Когда сказочник закончил историю, слушатели привычно зааплодировали. Но еще прежде, чем последние хлопки стихли, маркиз Оливер Тролл, поморщившись, язвительно произнес:

– Вся ваша история шита белыми нитками. В ней невоз-

можно поверить ни единому слову.

Придворные зашушукались, ожидая продолжения.

– Вы не могли бы уточнить, что именно имеете в виду, молодой человек? – поинтересовался Рошъен, склонив голову набок.

– Извольте. – Тролл вольготно устроился на стуле, вытянув ноги, и принялся с показной ленцой в голосе перечислять: – Во-первых, как эта ваша героиня могла танцевать на балу? Судя по рассказанной истории, дома она только тем и занималась, что варила каши да мыла полы. То есть она была обычной служанкой. Когда же при этом она успела освоить сложное искусство танца? Да еще и научиться хорошим манерам? И все это в такой степени, чтобы в нее мог влюбиться сам принц крови?! Итак, это было во-первых. Теперь во-вторых. Вы говорите, что принц нашел героиню по потерянной туфельке. Но ведь это же бред чистой воды. Какого, по-вашему, размера была ножка у девушки, если ее туфелька не подходила так-таки никому другому? Она что у вас, была карлицей или великаншей? Идем дальше. О службе охраны в королевском дворце я и вовсе молчу. Мало того, что они пропустили на бал совершенно постороннего человека, ничего о нем не выяснив. Они еще и позволили подозрительной гостье скрыться, притом что она бежала так быстро, что даже потеряла обувь. Им что же, даже в голову не пришло поинтересоваться, что происходит? А если она – воровка, прихватившая какую-то ценную вещь? А если она подсыпала ко-

му-нибудь из гостей яд, а теперь убегает от справедливого возмездия? А между тем, если бы охранники ее задержали или, по меньшей мере, проследили за ней, никаких сложностей с примеркой туфельки не возникло бы.

По мере того как я слушала, в груди росло чувство возмущения. И что он привязался к безобидному рассказчику? Не нравится – не слушай. Насильно на чтения никого не затаскивали, палач с секирой ни у кого над душой не стоял.

– Что за ерунду он несет? – тихонько прошептал мне на ухо Дэйвид.

Я кивнула.

– Не хочешь так ему и сказать? – шепнула я в ответ.

– Не думаю, что это хорошая идея. К чему разжигать конфликт? Такую дискуссию лучше всего замять.

Я так не считала. С моей точки зрения, конфликт уже был разожжен, причем исключительно стараниями Тролла, и сказочника следовало поддержать. Я даже приготовилась самостоятельно ответить на слова маркиза. И тут заметила, что Эстли приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать. Но промолчал, вместо этого устремив взгляд на Рошьена.

Я тоже посмотрела на сказочника. Тот, к моему удивлению, вовсе не казался обиженным, скорее позабавленным. Он смотрел на Тролла веселым взглядом, в котором понимание смешалось с любопытством.

– Молодой человек, вы упрекаете меня в том, что мои истории недостаточно похожи на реальность, – заметил он. –

Но позвольте полюбопытствовать, а с чего вы решили, будто ее отображение является моей целью? Сказки существуют не для того, чтобы показывать жизнь как она есть. Право слово, было бы несколько самонадеянно соревноваться в данном вопросе с Господом Богом. Если вам нужна реальность, к чему слушать сказки? Просто откройте глаза и смотрите вокруг.

— В чем же, по-вашему, заключается цель сказки? — спросил кто-то из зала.

Рошён многозначительно улыбнулся.

— Их несколько, — откликнулся он. — Одна заключается в том, чтобы развлекать. Да-да, просто развлекать почтенную публику, поднимая ей настроение и позволяя ненадолго оторваться от той самой реальности, к которой столь трепетно относится молодой человек. — Насмешливый взгляд в сторону Тролля. — Есть, конечно, и другая цель: научить. Прошу отметить: ни в коем случае не поучать. Продемонстрировать слушателю некую грань окружающей действительности. Но ради того, чтобы наиболее ярко выделить предмет обучения, все прочие грани зачастую преобразуются, работая не на копирование реальности, а исключительно на поставленную автором задачу. О прочем позвольте мне умолчать. Иначе я раскрою все свои секреты и сразу же останусь не у дел: ведь с этого момента мое место сможет занять каждый из вас.

Присутствующие немного посмеялись шутке, после чего

мероприятие можно было считать завершенным.

Распрощавшись с Дэйвидом, я шла по коридору в направлении покоев Мирейи, когда снова увидела Кроуна с молодой фрейлиной. На этот раз он буквально-таки прижал Одри к стене в одной из высоких ниш и целовал ее шею, явно намереваясь спуститься ниже. Девушка при этом не вырывалась, но стояла, будто окаменевшая, прикусив губу и накрепко зажмурив глаза. Наверное, это было не мое дело, но проходить мимо как-то не захотелось.

– Барон Кроун! – Я придала своему голосу максимально строгие интонации. – Вы не находите такое поведение в коридорах герцогского дворца несколько неподобающим?

– Леди Антего! – Молодой человек не пытался скрыть, как сильно его раздражало мое вмешательство. Меж тем его маленькие пороссячи глазки, прямо-таки лучившиеся похотью, вызвали во мне острый приступ отвращения. – Простите, но, мне кажется, вы вмешиваетесь не в свое дело. Как принято говорить, третий лишний.

– Леди Стелтон является фрейлиной госпожи Альмиконте, – ледяным тоном напомнила я, – и потому ее поведение не является исключительно личным делом. В случае, если она ведет себя безнравственно, это бросает тень на весь двор.

Одри приглушенно охнула от такого жестокого обвинения, но я сейчас была сосредоточена на реакции барона.

– В таком случае спешу уведомить вас, – с откровенной неприязнью в голосе произнес он, – что леди Стелтон явля-

ется моей законной невестой. Мы помолвлены и намерены в скором времени вступить в брак. А следовательно, наше поведение, пускай и несколько вольное, не переходит допустимых рамок. Многие люди в этом дворце ведут себя куда более распушенно.

Я требовательно посмотрела на фрейлину.

– Одри, это правда? Вы действительно помолвлены?

Одри с несчастным лицом едва заметно шевельнула головой. Видимо, это движение должно было сойти за кивок, но вышло весьма неубедительно.

– Одри? – Я вопросительно изогнула бровь.

– Да, – тихо сказала девушка, на этот раз более заметно кивнув. – Да, мы помолвлены.

– Что и требовалось доказать, – с победоносным видом заявил барон. – Надеюсь, теперь, леди Антего, вы продолжите идти своей дорогой и предоставите нас с невестой самим себе?

По всему выходило, что именно так мне и надлежало поступить. Однако что-то во всей этой истории было нечисто: уж больно перепуганным, пожалуй, даже затравленным взглядом смотрела перед собой фрейлина. А я хорошо помнила те времена, когда и сама оказалась в роли затравленного ребенка.

– Зря надеетесь, – отрезала я. – Леди Альмиконте желает видеть свою фрейлину. Так что леди Стелтон отправится со мной. А вам придется отложить общение до другого случая.

Барон сжал зубы, но спорить не осмелился. Желание дю-чессы – закон в этом дворце, если, конечно, оно не идет вразрез с желаниями герцога. Фрейлина, совершенно запуганная, не спешила выходить из ниши. Пришлось добавить во взгляд строгости. Это заставило ее последовать за мной. При этом она смотрела все больше в пол. С предполагаемым женихом не попрощалась даже глазами.

Я молча шагала по коридорам, изредка удостоверяясь в том, что Одри следует за мной. В покои Мирейи не пошла, вместо этого направившись к комнатам, предназначенным для фрейлин. Закрыла за своей спутницей дверь первого пустовавшего помещения и указала ей на кресло.

– А... леди Мирейя разве придет сюда? – робко спросила Одри.

– Садись. – Я снова указала на кресло, и она послушалась. Я опустилась в кресло напротив. – Леди Мирейя не придет. Она тебя не звала. Я просто использовала этот предлог, чтобы поговорить с тобой наедине.

Я внимательно следила за фрейлиной и видела, как, услышав мое признание, она крепко сжала подлокотники кресла.

– Одри, что происходит? – Я старалась говорить мягко, но одновременно добавляла в голос немного строгости, чувствуя, что в противном случае она точно не раскроется. – Барон Кроун – действительно твой жених?

– Да, – опуская голову, подтвердила девушка.

– То есть ты дала согласие выйти за него замуж?

– Да.

– Добровольное согласие? – настойчиво спросила я.

На этот раз она долго молчала, а подлокотники сжала так сильно, что казалось, еще чуть-чуть – и они разлетятся в щепки. Однако ответ ее в итоге был прежним.

– Да, – снова прошептала фрейлина.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь понять, как быть дальше. Вроде бы моя совесть должна быть чиста. Я задала свои вопросы. Дала понять, что могу предложить помощь. Она отказалась. Что еще? Тем более что поведение Одри, признаться, начинало меня злить. Ведь очевидно же, что ее совершенно не устраивают отношения с Кроуном. Зачем же тогда отмалчиваться, когда тебе пытаются помочь? Если она сама выбирает такую линию поведения, значит, туда ей и дорога.

– Леди Инесса, можно я пойду? – проговорила она, будто в подтверждение справедливости моей последней мысли. И, подняв на меня умоляющий взгляд, совсем тихо добавила: – Пожалуйста.

– Иди, – пожала плечами я.

Девушка подскочила с кресла и пулей вылетела из комнаты. При этом я успела заметить, что у нее в глазах стояли слезы. Я раздраженно запрокинула голову. Ну и что прикажете с ней делать?

В течение следующего дня я возвращалась мыслями к этой теме и в итоге решила все-таки поговорить с Мирейей. Когда мы остались вдвоем, я вкратце пересказала ей то, что

успела заметить. Мирейя выслушала меня очень внимательно.

– И что ты предлагаешь? – спросила она.

– Попробуйте с ней поговорить. – Я передернула плечами. – Со мной Одри предпочла отмолчаться, но есть вероятность, что с вами она будет более откровенной. Если ли же нет, то... я буду считать, что мы сделали все, что могли, а остальное – не в нашей компетенции и не на нашей ответственности.

Так и поступили. Мирейя вызвала фрейлину для беседы, при которой присутствовали только мы втроем. Я оказалась права: в обществе дючессы Одри довольно быстро раскололась. Отчасти потому, что Мирейя вызывала в ней доверие, отчасти, по-видимому, сработала привычка подчиняться вышестоящим.

В итоге ситуация оказалась следующей. Семейство Одри скрывало некий неприглядный факт своей истории... или страшную тайну – это уж кому как нравится формулировать. Заключалась эта тайна в том, что отец фрейлины был незаконнорожденным. Мать, бабушка Одри, родила его не от мужа-виконта, а от безродного любовника. Казалось бы, дела давно минувших дней. Однако же отсюда выходило, что отец фрейлины получил титул незаконно. Он не являлся сыном виконта, и, следовательно, в отсутствие других детей титул должен был перейти к более дальним родственникам.

Поместья барона Кроуна и семейства Стелтон располага-

лись по соседству. Соответственно, представители этих родов постоянно бывали друг у друга на виду. Слуги тоже общались между собой. В такой ситуации трудно сохранить семейные секреты. И вот недавно выяснилось, что это не удалось и в данном случае. Барон заявился к Одри и заявил, что знает тайну ее отца и планирует открыть общественности глаза на такое вопиющее преступление. Откажется от своего намерения лишь в том случае, если она согласится выйти за него замуж. Разглашение подразумевало крупные неприятности для отца, позор для всей семьи, ну и, разумеется, потерю всего имущества. Несколько дней девушка металась в сомнениях, но в конечном итоге приняла условия барона. А тот, видя ее беспомощность, начал позволять себе совершенно непристойное поведение, свидетельницей чему я и стала.

Во время рассказа Одри предсказуемо расплакалась и более-менее успокоилась лишь через несколько минут после завершения своей истории. Мирейя вела себя с ней ласково, напоила чаем, а потом отпустила, передав на попечение горничной и пообещав оказать посильную помощь. Когда за фрейлиной закрылась дверь, Мирейя повернулась ко мне.

– Ну, что думаешь?

Задав этот вопрос, она поднялась на ноги и неторопливо прошла по комнате, видимо, взвешивая собственное отношение к ситуации. Остановилась возле приоткрытого окна.

– Скажите, а как вы относитесь к этому пятну на ее семейном древе? – ответила я вопросом на вопрос.

Все-таки от взгляда Мирейи на данную проблему многое зависело.

Дючесса с демонстративным пренебрежением махнула рукой.

– Я тебя умоляю! – откликнулась она. – Сколько воды утекло с тех пор? Нет, я, конечно, не поддерживаю незаконную передачу титулов. Но отец Одри, кем бы он ни был зачат, фактически рос как сын виконта Стелтона. Можно считать, что виконт его усыновил. А в таких случаях вопрос наследования становится крайне неоднозначным.

– Да, но король навряд ли решил бы это дело в пользу отца Одри, – осторожно заметила я.

– Верно, – поморщилась Мирейя, – но, повторяю, сколько воды утекло с тех пор? Я не считаю правильным сейчас, по прошествии десятилетий, пересматривать вопрос наследования. К тому же, – ее глаза озорно блеснули, – с Одри я хорошо знакома. А вот ее дальних родственников, которые в теории могли бы унаследовать титул, знать не знаю. Так что мне нет особого дела до их интересов.

– Ужасно, – со смешком и без малейшего ужаса произнесла я. – В дворцовых делах все решает не справедливость, а вопрос того, кто с кем знаком.

– А как же иначе? – Мирейя, кажется, даже удивилась моей иронии. – По-другому не бывает, девочка, и не только во дворце.

Она иногда называла меня девочкой. Не потому, что бы-

ла намного старше; наша разница в возрасте равнялась двум годам. Скорее, тут играла роль разница в статусе. Меня, так или иначе, подобное обращение не обижало.

– В таком случае, – перешла к главному я, – надо найти способ приструнить барона. Это будет непросто. Нет, устроить ему всевозможные пакости я могу с легкостью и, признаюсь, не без удовольствия. Но нам важно добиться, чтобы Кроун не предал разглашению имеющуюся у него информацию. Для этого необходимо надавить на него очень серьезно. И, честно говоря, пока я плохо представляю себе как.

Мирейя тяжело вздохнула и, со стуком закрыв окно, подошла к банкетке.

– Брат мог бы об этом позаботиться, – хмуро сказала она. – Уж он-то сумел бы прижать это ничтожество к стенке, тем более что барон состоит в его свите. Но ты же знаешь: у нас с Конрадом сейчас не самые лучшие отношения. После того как он надумал меня ограбить, а я ему наговорила такого... В общем, не важно, – отмахнулась она. – Даже если я обращусь к брату с просьбой, он наверняка ее не выполнит, просто мне назло. Поэтому такой ход изначально лишен смысла.

Я задумчиво взглянула на Мирейю. Может быть, она права, и обращение к герцогу действительно обречено на провал. А может быть, к этому методу стоило бы прибегнуть – по меньшей мере попытаться, но Мирейя просто не хотела этого делать. Не желала унижаться перед братом, с которым

конфликтовала, обращаясь к нему с прошением. Или боялась, что в награду он потребует добровольного отказа от части приданого. Впрочем, гадать не имело смысла. К герцогу Мирейя не пойдет, это данность, и, следовательно, именно от этой данности и надлежит отталкиваться.

Правильное решение пришло в голову само собой. Во всяком случае, я надеялась, что правильное.

– Не надо обращаться к герцогу, – заявила я. – Можно поступить проще. Я обращусь к лорду Этли. У него достаточно влияния, чтобы разобраться с бароном и без вмешательства герцога.

– К лорду Этли? – Мирейя свела вместе кончики пальцев правой и левой руки и в задумчивости нахмурила брови. – Ты полагаешь, он согласится нам посодействовать?

– Думаю, что согласится, – кивнула я. – В конце концов, не в его интересах, чтобы люди из ближайшего окружения герцога позволяли себе подобные выходки. Это бросает тень на весь двор. А лорд Этли некоторым образом следит за порядком.

– Но даже если он согласится, есть другая сложность, – заметила Мирейя. – Посвятив Этли в суть проблемы, мы раскрываем ему секрет Одри и ее отца. Вправе ли мы так поступить? И не создадим ли мы девочке еще бóльшие неприятности?

– Я так не думаю. Во-первых, шантажировать таких, как Одри, не в духе лорда Кэмерона. Не такая большая она фигу-

ра, чтобы ради нее ему стоило марать руки. Во-вторых, даже если бы он и стал ее шантажировать... честно говоря, это в любом случае будет лучше для Одри, чем то, что происходит сейчас. Эстли, во всяком случае, не стал бы ее унижать и наслаждаться беспомощностью того, кто слабее. Он просто извлек бы из общения с ней какую-то пользу, сделав их сотрудничество взаимовыгодным. А в-третьих... в общем, предоставьте это мне. У меня есть причины считать, что с этой стороны Одри ничто не угрожает. Я буду очень осторожна и проверю почву прежде, чем доверить Эстли информацию щекотливого характера.

Мы с Мирейей еще немного обсудили ситуацию. В итоге мой план был утвержден, и мы разошлись по своим делам. А на следующий день я отправилась на беседу к Эстли.

После истории с герцогской печатью мы практически не общались. Только здоровались в коридорах дворца, как правило, ограничиваясь кивком. Тем не менее не могу сказать, что меня сильно тяготила необходимость отправляться к графу на встречу. Приступ злости, вызванный его дерзким письмом, давно сошел на нет. Теперь я была в состоянии смотреть на то происшествие даже с юмором. К тому же, получив возможность как следует обдумать те события, я хорошо понимала, что мой собственный поступок тоже был, мягко говоря, не самым безобидным и здорово задел мужскую гордость Эстли. Так что я считала, что мы более-менее квиты и, следовательно, вполне готовы к сотрудничеству. Вопрос

заклучался лишь в том, считает ли так сам лорд Кэмерон.

Поэтому к разговору я подготовилась. Долго подбирала наряд и в итоге остановилась на нежном платье цвета фуксии, с цветочным орнаментом и глубоким квадратным декольте. Мои волосы камеристка, как и обычно, собрала в высокую прическу, но только на этот раз я сказала ей использовать не обычные заколки, а особенные, только-только успевшие войти в моду. При каждом движении головой они начинали легонько трепетать, подобно крыльям бабочек. Серьги я выбрала скромные и под цвет платья. И наконец туфли – открытые, хорошо демонстрирующие изящную ножку, при этом на сравнительно низком, почти детском каблуке, что придавало образу невинности. Напоследок взглянув на себя в зеркало, я удовлетворенно кивнула и направилась в рабочий кабинет к Эстли.

Лорд Кэмерон уже ждал меня, поскольку я прибыла по предварительной договоренности. Едва я вошла, он поднялся из-за массивного рабочего стола, за которым рассматривал какие-то бумаги. И поприветствовал меня легким полупоклоном, отдавая дань этикету. Я, в свою очередь, ответила укороченным реверансом, исподтишка разглядывая своего сегодняшнего не то противника, не то делового партнера. Кэмерон Эстли выглядел безукоризненно, как и всегда. Белая рубашка, прячущаяся в основном под верхней одеждой, удлиненный фиолетовый жилет очень красивого оттенка – тот вариант фиолетового, который ближе к синему, нежели

к красному, — черный камзол и такие же брюки, заправленные в высокие жокейские сапоги. Буквально-таки мечта многих придворных дам. Впрочем, мечта, для некоторых вполне себе реализовывавшаяся. Правда, как правило, на весьма непродолжительный срок.

— Леди Инесса, счастлив, что вы сочли возможным снизить до моей скромной обители.

Ну конечно, Кэмерон Эстли не был бы Кэмероном Эстли, если бы не начал беседу с язвительного замечания. Притом сделанного с совершенно серьезным лицом.

Ага, скромной. Я не удержалась от того, чтобы обвести кабинет взглядом. И что же конкретно здесь, спрашивается, скромное? Мебель, исключительно функциональная, но при этом массивная, с ножками, изображающими лапы животных, и украшенная изысканной резьбой? Вот эта несомненно дорогая картина с изображением трехмачтового корабля? Или, может быть, вон та статуэтка на каминной полке, продав которую можно, наверное, прикупить пару лошадей? Впрочем, хозяин кабинета при желании смог бы приобрести и целый табун, ничего при этом не продавая.

— Присаживайтесь, — между тем пригласил он.

Я осталась на ногах. Сделала в направлении Эстли пару неспешных и как бы неуверенных шагов и снова остановилась. Сцепила перед собой руки и кокетливо посмотрела на него исподлобья.

— Лорд Кэмерон, а вы еще сердитесь на меня за ту выход-

ку?

Я надула губки и устремила на графа наивно-просительный взгляд. Пару раз невинно моргнула и для пущего эффекта слегка тряхнула головой. Заколки затрепетали вместе с ресницами.

Сперва Этли смотрел на меня своим обычным холодным взглядом, но очень быстро на дне его глаз заплясали смешинки. Он неспешно оглядел меня с головы до ног. Можно было бы принять это за чисто мужской интерес к женщине. Но я словно могла читать его мысли. И почти слышала насмешливый вопрос: «И сколько же часов вы потратили на подготовку к этой одной-единственной фразе?» Я ни капли не смутилась. Да сколько угодно не жалко, раз уж от этой первой фразы зависит весь дальнейший разговор.

– Хорошая попытка, – усмехнулся Этли. – Не сработала, но все равно хорошая.

Я лишь невинно улыбнулась. Не сработала, как же. Вы улыбаетесь, лорд Кэмерон, а значит, все отлично сработало. А говорить вы можете все, что вам заблагорассудится; мне ведь, в сущности, не жалко.

– Ну же, лорд Кэмерон, так нечестно, – кокетливо попеняла я вслух. – Как благородный человек вы просто обязаны меня простить. Великодушные мужчины должны проявлять снисходительность к женским глупостям.

Этли негромко рассмеялся.

– С чего вы взяли, будто я благородный человек и тем

более великодушный? – весело удивился он. – Присаживайтесь. – Он повторил свое приглашение, на сей раз подкрепив его кивком в сторону стула.

– Эх, вот если бы вы сказали, что меня прощаете, мне было бы гораздо легче вести с вами разговор, – скуksилась напоследок я.

– А я вовсе не обещал устраивать вам легкую жизнь, – откликнулся Эстли.

– Да? Ну и ладно, – заявила я.

Опустилась на стул, разгладила на коленях платье и резко сменила линию поведения. Теперь мое лицо, с которого разом слетели все признаки кокетства, приобрело сугубо деловое выражение. Руки я опустила на стол и наклонилась немного вперед, давая понять, что намерена, не рассусоливая, взять быка за рога.

Граф сел на свое прежнее место и выжидательно изогнул брови.

– Я вас внимательно слушаю, – сказал он.

– Я пришла по делу.

– Вот как? Полагаю, оно имеет отношение к приданому леди Альмиконте?

А вот и не угадал.

– Ну что вы, лорд Кэмерон. – Я обнажила зубы в ослепительной улыбке. – С приданным леди Альмиконте я разберусь сама, без вашей помощи.

– В самом деле? – Мои слова его явно позабавили. – А

каким же образом, не хотите рассказать?

Я укоризненно покачала головой.

– Чтобы вы предприняли соответствующие контрмеры? Конечно же, нет. Право слово, лорд Кэмерон, неужели вы столь низкого мнения о моих умственных способностях?

– «...проявлять снисходительность к женским глупостям», – насмешливо повторил он, невинно глядя в потолок. – Знаете, к женским глупостям проявить снисходительность можно. К уму – сложнее. Однако, признаться, прежде я считал вас умнее. Как вы умудрились ввязаться в эту глупейшую затею с печатью?

На этот раз ему удалось меня зацепить. Упрек казался справедливым и потому задел за живое.

– Если хотите знать, – мрачно заявила я, – то я была против этой затеи с самого начала.

– И тем не менее приняли в ней участие, – язвительно констатировал Эстли.

– Служба обязывает.

Я постаралась скрыть собственное раздражение за искренней улыбкой.

– К чему? – Не знаю, искренней или нет была улыбка, игравшая на губах Эстли, но ядовитой она была как пить дать. – К тому, чтобы бросаться с поцелуями на холостых мужчин?

– Ну не на женатых же! – резонно парировала я.

– Сдается мне, – задумчиво проговорил Эстли, – что с вас станется.

Я собралась было рассердиться, но передумала, придя к тому выводу, что граф совершенно прав. Если бы это потребовалось для дела, я бы так поступила, и скорее всего без малейших угрызений совести.

– Давайте все-таки перейдем к делу, – предложила я.

– Давайте попытаемся.

– Только сначала у меня есть к вам один вопрос. Что вы знаете о леди Одри Стелтон?

– Леди Стелтон? – Этли отреагировал на это имя без особого интереса. Беззвучно пошевелил губами, припоминая доступную ему информацию. – Младшая фрейлина вашей госпожи. Никакого мало-мальски значимого прошлого не имеет. Безобидная овечка, говоря откровенно, ничего особенного собой не представляющая. А что с ней?

– М-м-м... А что-нибудь еще вам о ней известно? – прищурилась я. – О ней или, например, о ее семье?

Вот теперь во взгляде Этли появился огонек интереса.

– Вы имеете в виду что-нибудь компрометирующее? – осведомился он.

– Совершенно верно.

– И кто же из ее родственников вас интересует?

– Ну, например, отец.

– Как я понимаю, вы говорите о сомнительности его прав на титул виконта?

Убедившись по моим намекам в том, что я в курсе ситуации, он заговорил напрямую.

– Ни секунды не сомневалась, что вам известна эта история, – улыбнулась я.

Граф поморщился, будто от незаслуженной похвалы.

– Леди Инесса, прежде чем человек получает место при дворе герцога, мне на стол ложится отчет, в котором фигурирует вся его подноготная. Если информация не является достоянием гласности, это еще не означает, что она неизвестна мне.

– И тем не менее вы допустили леди Стелтон ко двору, – заметила я.

– Почему бы нет? – удивился он. – Повторяю: девочка совершенно безобидна. Уж если я допустил ко двору вас – никогда не прощу себе такой ошибки! – то чинить препятствия ей мне точно нет никакого смысла.

Ясное дело, последнее предложение было произнесено чрезвычайно язвительным тоном.

– А как насчет спорности ее происхождения?

– Леди Инесса! – укоризненно поморщился Эстли. – Такая, как вы говорите, спорность происхождения характерна по меньшей мере для трети наших дворян. Вы же не хотите, чтобы дворец обезлюдел.

– Отлично, – кивнула я. – Вот теперь мы можем перейти к сути вопроса.

И я вкратце, без эмоций и ненужных эпитетов, пересказала лорду Кэмерону то, что мне было известно о шантаже со стороны барона Кроуна и о вынужденной помолвке Одри.

Слушал Эстли с каменным лицом. Понять по его выражению, как именно граф относится к рассказанной истории, было невозможно.

– Вот, собственно, и все.

Я завершила свой рассказ и откинулась на спинку стула, ожидая его реакции.

– Полагаю, вы хотите, чтобы я решил проблему с бароном, – проговорил Эстли после непродолжительного молчания.

– Полагаю, для вас не составит большого труда это сделать, – подтвердила я. – Главный вопрос в том, как гарантировать, чтобы он не превратил тайну леди Одри в достояние общественности.

– Ну хорошо. – Эстли со стуком опустил кончики пальцев на столешницу. – Допустим, я смогу вам помочь. И что же я получу взамен?

– Большое человеческое спасибо не подойдет? – просияла я, наивно хлопая ресницами.

– Не подойдет, – с вежливой улыбкой покачал головой Эстли.

– А как насчет того, – с напором произнесла я, – что вы постоите за честь герцогской свиты и, соответственно, самого герцога, позаботившись, чтобы люди из его ближайшего окружения не позволяли себе подобной мерзости?

– У меня есть альтернативное предложение. Я помогаю вам, а вы взамен уговариваете леди Мирейю добровольно от-

казаться от той суммы из ее приданого, которая понадобилась герцогу.

– Исключено. Леди Мирейя никогда на это не согласится, да и я ее отговаривать не стану.

Мы немного поиграли в гляделки. Затем Эстли усмехнулся.

– Я предполагал, что именно так вы и ответите. В общем-то ваше содействие мне и не нужно. С этим вопросом я справлюсь в любом случае. Ну хорошо. Пожалуй, я пойду вам навстречу. Проявлю благородство и – как вы там сказали? Ах, да, великодушие. И решу проблему вашей подруги.

Не так чтобы я считала Одри своей подругой, но поправлять Эстли не стала. В данный момент меня смущало совсем другое. Я пристально разглядывала собеседника, стараясь определить, какой именно замысел по извлечению выгоды он сейчас лелеет под маской кристальной честности.

– Ну что ж. Мы все будем вам очень признательны, – сказала я вслух.

– Можете прислать ко мне эту девушку. Леди Стелтон. Я решу ее проблему.

– Могу я поинтересоваться, каким образом?

– Уверены, что хотите это знать? Впрочем, давайте поступим так. Я приглашу вас присутствовать на финальной стадии этого дела.

– Договорились.

Что скрывать, во мне разыгралось любопытство.

– Благодарю вас, лорд Кэмерон. – Я поднялась со стула. – Я скажу леди Стелтон, чтобы она к вам зашла.

Я направилась к выходу, но, кое-что вспомнив, обернулась.

– Еще один вопрос. Вчера, когда Тролл читал лекцию Рошьюну, вы собирались что-то ему ответить, но потом передумали. Почему?

Эстли немного удивился моему вопросу, но мешкать с ответом не стал.

– Я счел это бессмысленным, – передернул плечами он. – Человек, всеми силами стремящийся доказать окружающим, что он умнее всех, непременно выставит себя на посмешище без посторонней помощи.

Я склонила голову, принимая такой ответ. После чего вышла из кабинета.

Глава 5

Что такое аристократ? Человек, который потрудился родиться.

Пьер Огюстен Карон де Бомарше

Я вышла из своей спальни и едва успела прикрыть за собой дверь, как в меня буквально вцепилась Тильда, придворная дама, отличавшаяся особенной любовью к сплетням. Не так чтобы многие во дворце сплетен не любили, но для Тильды слухи и пересуды являлись практически манией. Она обо всем узнавала самой первой и, не иначе из альтруизма, сразу же спешила поделиться новостями со всем дворцом. Словом, чрезвычайно полезный человек, когда вам нужно что-то узнать, и чрезвычайно вредный, если вы хотите что-то скрыть.

– Несси, ты слышала ужасную новость? – воскликнула Тильда, не озаботившись такой мелочью, как «доброе утро».

Произнося «ужасную», она распахнула ресницы с выражением восторга на лице.

– Не слышала, – охотно откликнулась я.

Узнать новые сплетни с утра пораньше всегда бывает полезно.

– Барон Кроун! – поспешила просветить меня Тильда. – С ним случилась страшная неприятность. Несчастный случай. Вчера во время прогулки он упал и сломал правую ногу. Хо-

рошо еще, что упал с небольшой высоты.

– Как же его так угораздило? – всплеснула руками я, мысленно сопоставляя факты.

Моя беседа с Этли состоялась позавчера. А вчера с Кроуном произошел несчастный случай. Совпадение? Конечно же, нет.

– Никто толком не знает, – снова сделав страшные глаза, ответила Тильда. Похоже, сей факт одновременно и огорчал ее и радовал, придавая новости ореол таинственности. – Вроде бы барон и сам не вполне понял, как это произошло. Ну, теперь-то он, конечно, будет более осторожен. Когда снова сможет прогуливаться, что, впрочем, произойдет еще не скоро. Вчера у него был лекарь, сказал, что ближайшие несколько недель Кроун будет вынужден провести в постели. Оно и понятно: перелом!

Я с важным видом покивала, демонстрируя, что меня впечатлил рассказ. Полностью удовлетворенная таким эффектом, Тильда быстро со мной распрощалась и поспешила разносить новость дальше по дворцу. Я же отправилась на поиски Этли.

Найти его оказалось несложно.

– А, леди Инесса! – поприветствовал меня он, когда мы столкнулись в одной из гостиных. – А я как раз собирался отправить вам записку. Я намерен исполнить последнюю часть нашего договора. Хотите пройти со мной к Кроуну?

– Безусловно.

Эстли галантно предложил мне руку, и я ее приняла, вскользь заметив, как баронесса Ластли с завистью смотрит мне вслед. Между прочим, совершенно напрасно. Во-первых, нас с графом объединяет исключительно деловой интерес, а во-вторых, у баронессы весьма ревнивый супруг. Но почему-то мне захотелось ее позлить, и я практически повисла у Эстли на локте.

– Вы собираетесь навестить барона Кроуна? – с сарказмом уточнила я, когда мы поднимались по парадной лестнице, покрытой дорогим темно-красным ковром.

Барона мне было не жаль ничуть, так что я говорила на эту тему совершенно спокойно.

– Собираюсь, – подтвердил Эстли. – Именно так надлежит поступать благородным и великодушным людям. Или я ошибаюсь?

Требовалось очень хорошо знать лорда Кэмерона для того, чтобы уловить в его предельно серьезном тоне нотки язвительности.

Я признала, что нет, милорд не ошибается, и остальную часть пути мы проделали молча. Эстли пропустил меня первой в покои, где оправлялся после случившегося барон Кроун, после чего вошел сам. Следуя его короткому знаку, прислуживавший хозяину покоев камердинер покинул комнату.

Перебинтованная нога Кроуна неподвижно лежала поверх одеяла. Барон страдальчески поморщился, приподняв голову над подушкой, чтобы разглядеть заявившихся к

нему гостей – уверена, не первых за сегодня и, вне всяких сомнений, далеко не последних.

Следуя молчаливому указанию Эстли, я села в кресло, расположенное у окна, то есть на некотором расстоянии от кровати. Место же возле постели граф занял сам.

– Как вы себя чувствуете, барон? – осведомился он вежливым, однако ледяным голосом.

– Благодарю вас. Довольно-таки дурно, – простонал Кроун, проводя рукой по вспотевшему лбу.

В этот момент мне отчего-то весьма ярко припомнилось, как эта самая рука беззастенчиво лапала несколько дней назад не умеющую дать отпор женщину. Скривившись от отвращения, я отвела взгляд, так и не успев посочувствовать человеку, который, без сомнения, испытывал сейчас далеко не слабую боль.

– Примите мои соболезнования, – все так же холодно откликнулся Эстли. – Что говорит лекарь?

– Да что может говорить этот шарлатан? – раздраженно отмахнулся барон. Я тихонько хмыкнула: это герцогский-то целитель – шарлатан? – Постельный режим, какие-то дурацкие масла, якобы полезные для укрепления костей, и тому подобное.

– Понимаю. Ну что ж, – проговорил Эстли, – я бы хотел добавить к советам лекаря кое-какие рекомендации от своего лица.

Барон посмотрел на него с некоторым удивлением, а Эст-

ли как ни в чем не бывало продолжал:

– У переломов, лорд Кроун, есть неприятная тенденция случаться повторно. Хорошо, что в вашем случае пострадала нога, но ведь, бывает, люди ломают и шею. Так вот, для того чтобы это не произошло, я настоятельно рекомендую вам прекратить всякие отношения с леди Одри Стелтон. Просто забудьте о ее существовании. – Он говорил, словно не замечая, как у больного бледнеет и вытягивается лицо. – Да, и еще: советую вам забыть также о досадном недоразумении, связанном с титулом ее отца. Память, знаете ли, бывает вещь весьма вредной для сращивания костей. Надеюсь, я формулирую свою мысль достаточно понятно?

– Д-да.

Барон весь вжался в кровать.

– Вот и отлично. Ближайшие дни вам необходим полный покой. А затем, когда вам будет разрешено передвигаться, вы отправитесь в свое родовое поместье. Там вам будет гораздо комфортнее восстанавливаться. Тем более что герцог больше не нуждается в ваших услугах. Не беспокойтесь, слуги очень осторожно перенесут вас в карету. Ну а пока отдыхайте. – Его тон резко сменился на благожелательный. – Поправляйтесь, набирайтесь сил и готовьтесь к переезду. Леди Инесса, вы со мной?

– Да, лорд Кэмерон. – Я встала со стула и приняла предложенную графом руку. – Полагаю, барону есть над чем поразмыслить.

Мы с Мирейей сидели в уютной гостиной, располагавшейся по соседству с покоями дючессы. После того как Одри вошла в комнату и сделала приветственный реверанс, мы отпустили слуг. Мирейя предложила фрейлине присесть.

— Итак, — с нескрываемым нетерпением произнесла она, — что же сказал тебе лорд Этли?

— Все произошло так, как вы говорили, — ответила девушка, положив руки на колени. — Когда он вызвал меня через Инессу, я пришла к нему в кабинет. Лорд Этли вел себя очень вежливо и любезно. Сказал, что сможет решить мою проблему, так что барон Кроун никогда больше меня не потревожит. Более того, пообещал, что барона и вовсе вышлют из дворца. Но отметил, что за это я должна буду оказать ему ответную услугу. Я сказала, что конечно, если только это будет в моих силах. Лорд Кэмерон ответил, что ничего сложного в этой услуге нет. Дескать, ему порою нужно быть в курсе того, что делается на территории леди Мирейи: кто сюда приходит, о чем ведутся разговоры и так далее. И если я смогу время от времени передавать ему такую информацию, он берет на себя решение моего нынешнего затруднения. А также и иных затруднений подобного рода, если таковые возникнут в будущем.

— И ты?.. — Мирейя устремила на фрейлину многозначительный взгляд.

— Как вы и велели, я сделала вид, что обдумываю его пред-

ложение, а потом сказала, что согласна. Что готова на все, лишь бы меня избавили от домогательств барона.

– Чудесно!

Я не удержалась от этого восклицания и теперь довольно потирала руки.

Мирейя наблюдала за моими действиями с улыбкой.

– Отлично, Одри, – сказала она. – Ты все правильно сделала. Пока можешь идти.

– Если лорд Эстли будет задавать вопросы о конкретных вещах, сразу же рассказывай нам, – добавила я, отвлекаясь от своего ликования. – А мы будем время от времени снабжать тебя информацией, которую ты сможешь ему передавать.

– Правдивой информацией? – на всякий случай уточнила девушка.

– Ну конечно! – заверила я, почти возмущенная скрытым в вопросе намеком. Потом прищурилась и заметила: – Во всяком случае, частично.

А между тем проблему приданого требовалось решать. Я, конечно, пообещала Эстли, что без труда справлюсь с этим вопросом, но то была бравада. В действительности же дело представлялось весьма сложным. Но, впрочем, трудности – не повод отчаиваться.

На этот раз мне удалось убедить Мирейю повременить со столь радикальными мерами, как кража печати, и попытаться пойти более законным путем. А именно: обратиться за

поддержкой к королю. И вот уже два письма, отправлявшиеся из дворца с разными горничными, покоились у Эстли на столе, а может быть, в камине в виде горстки пепла. Не знаю, меня он взглянуть на результат своей шпионской деятельности не приглашал. Но так или иначе, обеих горничных разворачивали прежде, чем они успевали выйти во двор, и письма отбирали. Поэтому теперь я решила взяться за дело самостоятельно.

Конечно, за мной наблюдали, поэтому я пошла на хитрость и не стала идти обычным путем. Набросив на плечи плащ, я быстро сбежала по узким ступенькам черной лестницы и так же быстро устремилась к неприметной дверце бокового выхода. Но когда до спасительной двери оставалась всего пара шагов, она без моей помощи распахнулась. Я едва не присвистнула, впечатленная такой расторопностью. Кэмерон Эстли собственной персоной вошел в здание и остановился, прислонившись плечом к косяку. В его взгляде смешались укоризна, налет показной усталости и почти мольба. «Давайте не будем создавать друг другу лишние сложности», – говорил этот взгляд. Я решительно распрямила спину и уставилась на Эстли с вызовом.

– Леди Инесса, – он вздохнул, правильно поняв мою мимику, – будьте любезны, пройдемте со мной.

При этом выпускать меня наружу он явно не собирался. Видя, что особого выбора нет, я проследовала за Эстли в одну из комнат первого этажа. Граф закрыл за собой дверь и

даже бросил взгляд на окно, словно проверяя, не смогу ли я выбраться во двор таким своеобразным путем. Затем встал так, чтобы перегородить мне дорогу к двери, и сложил руки на груди.

– Леди Инесса, – начал он, – предлагаю свести наше общение к минимуму, а также сделать его как можно менее неприятным. Я знаю, что при вас письмо, которое вы намереваетесь отправить в столицу. Вы знаете, что я не позволю вам этого сделать. Поэтому давайте обойдемся малой кровью. Просто отдайте мне письмо. А госпоже своей скажете, что сделали все, что могли, но это не сработало.

– Но я ведь еще не сделала все, что могла, верно? – заметила я, стараясь потянуть время.

– Если это так необходимо, – недовольно передернул плечами Эстли. – Я ведь всего лишь предложил вариант, облегчающий всем жизнь. Вы все равно отдадите мне письмо, прежде чем покинете эту комнату.

– Какое письмо? – захлопала ресницами я.

Он даже не улыбнулся.

– Леди Инесса, не стоит путать упорство с упрямством. Первое качество весьма похвально, но надо уметь и вовремя остановиться. Я не выпущу вас отсюда, пока не получу письмо.

– И что же, вы станете меня обыскивать? – изумилась я. Эстли поморщился.

– Вы отлично знаете, что если понадобится, то да, – жест-

ко произнес он. – Притом заметьте: я изо всех сил стараюсь этого избежать. Необходимость применить к вам такие меры не доставит мне удовольствия. Но я поступлю так, как будет нужно. Поэтому повторяю: отдайте письмо добровольно.

– Ничего себе добровольно – практически под дулом пистолета! – воскликнула я.

– Это беспредметный разговор, – закатил глаза Эстли. – Хотите постоять в этой комнате еще пару часов и пообсуждать мои методы? Сказать по правде, у меня есть и другие дела.

– Какое совпадение! У меня тоже, – ослабилась я. – Так, может быть, просто любовно разойдемся? Каждый займется своими делами. А герцогу вы скажете, что сделали все, что могли, но это не сработало.

Эстли укоризненно вздохнул, старательно демонстрируя свое раздражение, но затем отчего-то усмехнулся.

– Никак не можете перестать упорствовать, верно? – прищурился он. – Скажите мне, леди Инесса, отчего же вы настолько преданы своей госпоже?

– Вас это не касается, – отрезала я.

И лишь затем поняла, что поступила недальновидно. Такими темпами я раззадорю Эстли, и он все сделает, лишь бы получить заинтересовавшую его информацию. А этого я хочу меньше всего.

– Нет никакой особой причины, – поспешила пойти на попятный я. – Ничего интересного. Преданность – как любовь.

Никогда не можешь точно сказать, откуда она берется. Есть — и все.

— Ну, как раз у любви-то всегда бывает причина, и весьма веская, — возразил Эстли. — Но мы отвлеклись на абстрактные рассуждения. Почему вы так активно отстаиваете ее право на эти деньги?

— Это *ее* деньги, — с нажимом произнесла я.

— Которые совершенно ей не нужны, — откликнулся лорд Кэмерон. — Она ими не пользуется и, если бы не прослышала о том, что они потребовались герцогу, даже не заметила бы разницы. Вокруг чего столько шума, леди Инесса? Мирейя Альмиконте и без этой суммы останется одной из самых богатых невест страны. Ее приданое настолько велико, что, право слово, мы говорим сейчас о капле в море.

— Не такой уж и капле, — не согласилась я. — Сейчас ей деньги, может, и не нужны. Но что, если завтра она соберется выходить замуж? Вдруг ее приданое окажется недостаточно велико после того, как герцог запустит в него руки?

— Не окажется, — возразил граф, полностью уверенный в своей правоте. — Но даже если бы, чисто теоретически, и оказалось, герцог непременно исправил бы положение, добавив в приданое необходимую сумму. Поверьте, он заинтересован в выгодной партии для своей сестры не меньше, чем сама леди Мирейя. И никогда не позволил бы удачному браку сорваться из-за такой малости.

— Вся беда заключается в том, что мнения герцога и его

сестры, какой именно брак считать удачным, могут не совпасть, — отметила я.

Эстли безразлично пожал плечами.

— Она в любом случае не сможет выйти замуж против воли герцога. Такого он не допустит. И потом, под удачным вы, полагаю, подразумеваете брак по любви? Но, согласитесь, было бы странно, если бы в этом случае на пути к семейному счастью встало приданое. Если гипотетический жених будет так сильно ее любить, он должен быть готов взять ее хоть вообще без денег, разве не так?

— Вы переводите разговор на романтику, — огрызнулась я, чувствуя сарказм в его словах. — Я же рассуждаю исключительно о правах. Мирейя имеет право самостоятельно решать, как обойтись с этими деньгами. Если она захочет, чтобы они десятилетиями пылились в сокровищнице, она вправе так распорядиться. Если захочет, может и вовсе зарыть их в землю и ждать, не дадут ли они часом ростки.

— А вот герцог предпочитает использовать их на благое дело, — отозвался Эстли. — Возможно, вы не в курсе, но он не кладет их себе в карман, а собирается финансировать строительство школы ремесленников.

— О, конечно же, я в курсе. — Я постаралась, чтобы улыбка вышла как можно более язвительной. — Вот только есть одна маленькая деталь, которую вы, ваше сиятельство, забыли упомянуть. Или просто не пожелали? Как насчет того милостивого роскошного особняка, который герцог собирается под

шумок построить себе в южной части герцогства?

Я ожидала, что эти слова сойдут с моего собеседника спесь, хотя бы самую малость. Но не таков был Кэмерон Эстли, чтобы тушеваться из-за подобных глупостей.

– Ну и что? – спросил он с таким видом, будто и правда не понимал, что такого предосудительного в упомянутом мной факте. – Естественно, где новое начинание, тем более настолько большой проект, там и человек, который станет его курировать. И этому человеку надо будет где-то жить. Кстати сказать, вероятнее всего, это будет не герцог, а кто-нибудь из его приближенных, тот, кого он назначит на эту должность. И не смотрите на меня с таким видом, будто только что поймали на горячем, леди! Это, вне всяких сомнений, буду не я: у меня дел хватает и здесь.

– В любом случае ни секунды не сомневаюсь, что герцог будет использовать этот особняк всякий раз, как у него возникнет такое желание, – настаивала я.

– Вне всяких сомнений, – и не подумал спорить Эстли. – А вам не приходило в голову, леди Инесса, что и Мирейя Альмиконте тоже сможет использовать данный особняк по первому своему требованию? Когда ей заблагорассудится полечить нервы в южном климате или завести пару-тройку необременительных связей подальше от брата?

– Мирейя Альмиконте терпеть не может глухую провинцию, – отрезала я.

– Не удивлюсь, если провинция ответит ей тем же, – по-

жал плечами Эстли. – Вы об этом даже не задумались, однако строительство особняка, как и самой школы, весьма полезно для этого края. Рабочие места, привлечение мастеров высокого класса, некоторые из них, возможно, даже согласятся заодно прочитать курс лекций подмастерьям.

– Все это бессмысленно, – вздохнула я, устало качая головой.

– Что бессмысленно? Курс лекций?

– Нет, наша с вами дискуссия. Вы все равно будете отстаивать интересы герцога, а я – леди Мирейи.

– Вы не совсем правильно формулируете, – спокойно возразил граф. – Вы отстаиваете интересы леди Мирейи, а я – интересы герцогства. Чувствуете разницу?

Если он надеялся, что эти слова произведут на меня неизгладимое впечатление, то ошибался.

– Хотите медаль? – огрызнулась я. – Обратитесь к герцогу, он наверняка не поскупится. Особенно если ее отчеканят на чужие деньги.

– Если мне понадобится медаль, обязательно вспомню ваш совет, – пообещал Эстли. – Ну что ж, леди Инесса. Я вижу, дискуссия и вправду бессмысленная. Я пытался вас вразумить, но это оказалось бесполезным занятием. Поэтому мы возвращаемся к тому, с чего начали: отдайте мне письмо.

– Нет.

– Отдайте, или я буду вынужден его отобрать.

– Не отдам.

– Где вы его прячете?

Его расчет оказался верным: ответить я не ответила, но на долю секунды инстинктивно опустила глаза.

– Понятно. – Теперь взгляд лорда Кэмерона сосредоточился на зоне моего декольте. – Так я и предполагал. – Его глаза неохотно, но все-таки оторвались от моей груди. – Леди Инесса, отдайте письмо по-хорошему.

– И не подумаю.

Он напоследок неодобрительно покачал головой, как бы говоря тем самым, что с этого момента вина за его действия целиком и полностью ложится на меня. После чего шагнул ко мне вплотную и прижал к стене.

Запрокинув голову, я устремила на него томный взгляд, чуть-чуть приоткрыла губы, выпятила вперед вздымающуюся под корсажем грудь.

– Вам так хочется провести этот обыск, лорд Кэмерон? – с придыханием спросила я, поднеся рот к самому его подбородку.

На пару секунд Этли застыл на месте. Читать эмоции по его лицу было непросто, но, во всяком случае, оно мало походило сейчас на каменную маску. Затем он на мгновение прикрыл глаза, выдохнул и устремил на меня привычный пронизательный взгляд.

– Рассчитывали сбить меня с толку? Хорошая идея, и воплощение тоже мастерское. – Он сглотнул, будто в подтверждение своих слов. – Но ваш план провалился.

Рука Эстли решительно скользнула прямо в мое декольте. Хотя я и ожидала такого хода, но тем не менее вздрогнула, когда его пальцы коснулись моей груди. Правда, надо признать, что лишнее время он там не шарил. Без труда нащупал конверт, извлек его наружу, после чего мгновенно отошел, предоставляя мне полную свободу действий. Думаю, если бы я с горящими от стыда щеками бросилась бежать прочь, он не попытался бы меня остановить. Но – не на ту попали. Так что я просто продолжила стоять, оправляя кружевные оборки. Только слегка отступила от стены.

Эстли быстро разорвал конверт и пробежал глазами по письму. Удовлетворенно кивнул.

– Содержание то же самое, что и в предыдущих двух случаях, – подытожил он. – Правда, я еще проверю это письмо на предмет скрытого текста. Леди Инесса, я сожалею о том, что произошло, но вы сами не оставили мне иного выбора. Будьте так любезны, выполните мою просьбу. Передайте леди Альмиконте, чтобы она перестала вести эту бессмысленную войну. Тем самым она всем сэкономит массу времени и сил.

– Я могу идти? – зло осведомилась я. – Или, может, вы хотите поискать что-нибудь еще?

Кажется, в его глазах я уловила стремление как-то сгладить конфликт, но в конечном итоге Эстли просто кивнул со словами:

– Можете идти.

Проходя мимо него, я на секунду остановилась.

– Вы – последний негодяй! – прошипела я, глядя ему прямо в глаза. – И когда-нибудь за это ответите.

Эсли не счел нужным что-либо сказать. А может быть, слишком долго раздумывал над своими словами и потому просто не успел их произнести. Я буквально вылетела вон из комнаты, а затем покинула и дворец.

Выйдя за ворота с перекошенным от гнева лицом, я немного прошлась по улице. Затем взяла экипаж, назвала кучеру адрес и устроилась на сиденье, тщательно занавесив оба окна.

Словно по мановению волшебной палочки, весь мой гнев разом сошел на нет. Удовлетворенно улыбнувшись, я стянула с левой ноги черную туфельку. Ловко поддела ногтем подошву, которая в действительности была двойной, и вытащила спрятанную в туфле бумагу. Лист был сложен в несколько раз. Развернула его и быстро проглядела, довольно улыбаясь. Конечно, письмо немного помялось от столь своеобразного способа доставки, ну да не беда. Послание от своей близкой родственницы Мирейи Альмиконте его величество в любом случае прочитает.

Вручив письмо гонцу с распоряжением гнать во весь опор, я не торопилась возвращаться во дворец. Дело было сделано, и теперь я могла позволить себе немного прогуляться. Просто расслабиться, вдохнуть полной грудью свежего осеннего воздуха и поворошить носками туфель опавшие листья, сби-

вавшиеся в большие кучи на краях мостовой.

Лорд Этли был совершенно прав, предположив, что часть перехваченного им письма может быть скрыта от глаз, написанная симпатическими чернилами. Войдя в свой кабинет, он поспешил проверить это предположение и принялся аккуратно водить листком над свечой. Буквы вскоре проявились. Сев за стол, граф прочитал текст следующего содержания.

«Дорогой лорд Кэмерон,

Надеюсь, что вам понравилась моя грудь, ведь другого шанса к ней прикоснуться вам не представится. Письмо, отправку которого вы так отчаянно стремились предотвратить, в данный момент движется в направлении королевского дворца. Перехватить его вы уже не успеете.

Надеюсь, вы на меня не в обиде.

Искренне ваша,

Инесса Антего».

Часть II

Глава 6

*Хорошее дело браком не назовут.
Народная мудрость*

Звучание клавесина, наполнившее собой Западный музыкальный зал, сжало сердце и совершенно не собиралось его отпускать. Молодое дарование, всего-то двадцати лет от роду, вдохновенно играло сонаты собственного сочинения, склонившись над инструментом и то и дело беззвучно шевеля губами. Что такого успело произойти в жизни этого юного еще человека, если его музыка выворачивала душу наизнанку, обращаясь с ней столь же безжалостно, сколь безжалостно обращается прачка с выжимаемым после стирки бельем?

Я сидела на концерте, сжав зубы, и чувствовала, что слезы, уже выступившие на глазах, вот-вот покатятся по щекам. Остается надеяться, что этого никто не заметит. Нет, плачущих дам здесь было более чем достаточно; они даже негромко всхлипывали, прижимая к глазам платочки, и, наверное, разрыдались бы в полный голос, если бы это позволял этикет. Но мне совсем не хотелось вливаться в их ряды. Я отношусь к тем людям, которые не плачут почти никогда, и очень не

хотелось менять о себе мнение под воздействием какого-то злосчастного концерта.

Возможно, число плачущих было не столь уж велико, однако оно многократно возрастало за счет висевших на стенах зеркал. Хитрый ход, весьма распространенный в современных дворцах. Зеркала располагают напротив друг друга, в результате чего комната визуально увеличивается в размерах. А заодно возникает иллюзия целой зеркальной галереи. Ну, и всего того, что отражается в этих высоких прямоугольниках, тоже оказывается много.

Отзвучали последние ноты, и композитор опустил крышку клавесина. Я, хоть и кляла свои слезы последними словами, охотно и искренне присоединилась к оглушительным аплодисментам. Юноша безусловно заслужил такое проявление благодарности со стороны слушателей. Не сомневаюсь, что и пользу он из этого выступления извлечет немалую. С этой минуты для него будут открыты двери самых знатных домов герцогства. Вне всяких сомнений, мы присутствуем при начале головокружительной карьеры. Надо отдать Мирейе должное: она умеет раскрывать таланты и наилучшим образом организовывать подобные мероприятия.

Я моргнула, стараясь избавиться от слезинок, и отошла в сторону, где могла бы не попадаться никому на глаза. Следовало дожидаться, пока большинство слушателей покинут зал, и уж тогда тоже потихоньку уйти. А пока можно вытереть эти дурацкие слезы и привести лицо в порядок...

Черт! Так и знала: опять забыла платок. Они практически никогда не бывают мне нужны, вот я и покидаю покои, ни одного не прихватив. Пришлось осторожно действовать при помощи тыльной стороны ладони. Эффект, вынуждена признать, не самый лучший, да и риск того, что пострадает косметика, довольно высок.

– Никогда бы не подумал, что вы так тонко чувствуете музыку.

Я не сдержалась и вздрогнула, когда этот насмешливый голос раздался прямо у меня за спиной.

– Действительно странно, я же вообще бесчувственная тварь, – бросила я через плечо, таким невежливым образом вполне доходчиво давая понять, что разговор окончен.

– Возьмите платок.

Лорд Кэмерон сделал вид, что моего намека не понял. Я вынужденно повернулась к графу, но принимать белый с золотой вышивкой платок, который он в данный момент протягивал, не торопилась.

– Лорд Кэмерон, вы носите с собой платки! – От злости, что меня застукали в не самой лучшей форме, хотелось язвить. – У вас что же, насморк или период сентиментальности?

– Да нет, просто вокруг пруд пруди романтически настроенных барышень, которым не грех оказать услугу, – тут же нашелся он, ни капли не задетый.

– А вы такой альтруист, что буквально-таки не способны

остаться в стороне? – огрызнулась я, одновременно намекая, что упомянутый мной вариант поведения был бы куда предпочтительнее в данной ситуации.

– Ну что вы, какой из меня альтруист? – откликнулся Эстли. – Мой интерес сугубо меркантилен: я не хочу, чтобы здесь началось наводнение.

– Лорд Кэмерон, – до сих пор я стояла, полуобернувшись, но теперь повернулась к нему лицом, – а что вы сами делали на устроенном леди Мирейей концерте? Неужели высматривали в зале какого-нибудь шпиона?

– Нет. Все куда серьезнее. Вообще-то это тайна, но вам скажу. – Эстли заговорщицки понизил голос. – Я пытаюсь поймать опасного преступника. Это маньяк-убийца. Видите ли, в его голову вселилась безумная, хоть и не лишенная зерна рациональности, мысль, что женщины – это главное мировое зло. Поэтому он их убивает, стремясь по мере собственных сил сделать мир лучше. Отлавливает девушек по одной, когда они расстроены после концерта и потому дезориентированы, и душит. В данный момент он прячется за ширмой.

Я не удержалась и бросила короткий взгляд на ближайшую ширму. Эстли рассмеялся. Я сердито поджала губы.

– Леди Инесса, гобой – это иногда просто гобой, как говорит один мой знакомый. Если я присутствовал на концерте, значит, мне просто захотелось послушать музыку.

– Ну что ж, концерт уже закончился, – проинформировала

его я, демонстративно отворачиваясь.

– Платок, бесчувственная тварь! – насмешливо напомнил лорд Кэмерон.

С трудом сдерживая рычание – глаза по-прежнему были на мокром месте, да и нос наверняка покраснел и припух, – я снова обернулась и приняла платок.

– Только напомните мне потом его вернуть. А то я наверняка забуду. Вечно забываю про мелочи.

И я демонстративно поднесла платок не к глазам, а к носу.

– Не беда, – проявил щедрость Эстли. – У меня их вполне достаточно. Видите, сколько кругом женщин? Почти у половины такие же платочки.

Прежде чем я поняла, что меня откровенно поддразнивают, он с коротким кивком удалился. Я наконец-то осталась в гордом одиночестве. Правда, потребность в платке отпала сама собой: мои глаза уже были абсолютно сухими.

Следующим вечером я отправилась в покои Мирейи сразу после того, как вернулась во дворец в прекрасном настроении. В тот день я побывала в гостях у Дэйвида, разумеется, по его собственному приглашению. Познакомилась с его матерью. Мы по-семейному сидели за столом, пили чай и разговаривали о жизни. Баронесса произвела на меня впечатление женщины умной, образованной, обладающей сильным характером и приятной в общении. Словом, день прошел неплохо.

Сложности начались, едва я приблизилась к покоям. В коридоре меня перехватила Илона. Крепко взяла за руку и быстро увела за угол.

– У Мирейи гость, – понизив голос, сообщила она.

– Герцог? – догадалась я.

Чье же еще появление могло вызвать подобный эффект?

– Верно. Выставил всех, сказал, что будет говорить с сестрой наедине.

– Где они?

– В малой гостиной.

Мы переглянулись, кивнули друг другу и устремились в направлении, противоположном тому, в котором я двигалась раньше. Обошли покои Мирейи и проникли в них с другой стороны, через дверцу для слуг, после чего на цыпочках пробрались в крошечную комнатку, из которой можно было через щель следить за происходящим в гостиной.

Нам повезло: Мирейя не сразу приняла своего брата, а сначала привела себя в порядок. Так что к тому моменту, когда мы прильнули к узкой щели, разговор только-только начался.

– Чему обязана такой честью, дорогой брат?

Лица Мирейи отсюда не было видно, но голос ее звучал весьма прохладно.

– Я пришел побеседовать с вами, сестра. – Тон герцога был еще более холодным. – Разговор пойдет, среди прочего, о вашем приданом.

Я затаила дыхание, ловя каждое слово. Наша борьба за приданое Мирейи увенчалась успехом: король получил письмо и безоговорочно принял сторону девушки. Герцог остался с носом. Неужели нашел новый способ прибрать деньги к рукам?

– Недавняя история показала, что вы чрезвычайно дорожите этими деньгами и твердо намереваетесь использовать их по назначению, – продолжал Конрад. – Я решил не препятствовать вам в этом. Поэтому в самое ближайшее время вы выйдете замуж.

– Что? – недоверчиво переспросила Мирейя. – Замуж?

– Да, именно замуж, – небрежно подтвердил герцог, усаживаясь на стул. – Я нашел вам отличного жениха. Он принял мое предложение с энтузиазмом, так что, можно считать, вопрос решенный.

– Он принял ваше предложение с энтузиазмом? – гневно повторила Мирейя. – Ну так почему бы вам самому и не выйти за него замуж?

Я энергично кивнула, выражая таким образом полную солидарность с леди Альмиконте.

– Почему вы сразу принимаете мои слова в штыки? – пожал плечами герцог. – Вы ведь даже еще не знаете, кого именно я выбрал вам в мужа.

– Вы выбрали, – чеканя слова, повторила Мирейя. – Этого достаточно.

– В вас говорит упрямство, – покачал головой Конрад. –

Бессмысленное, ребяческое, идущее вразрез с вашими собственными интересами. Я уже молчу о своих. Будете слушать или предпочитаете, чтобы имя жениха оказалось для вас на свадьбе сюрпризом?

– Не окажется, – отрезала Мирейя. – Потому что свадьба не состоится.

– Состоится, и еще как, – возразил герцог. – Мне надоели ваши капризы, Мирейя. Видят боги, я терпел их очень долго. Даже в тех случаях, когда вы старательно ставили мне палки в колеса, не имея на то мало-мальски веской причины. Но мое терпение не безгранично. Вам двадцать шесть лет, вполне подходящий возраст для того, чтобы вступить в брак. Я бы даже сказал, еще немного – и будет поздно. Начинайте самостоятельную жизнь, обустраивайте свой дом и наводите там собственные порядки.

– Вот, значит, как, – прошипела Мирейя. – Ну и кем же вы надумали меня осчастливить?

– Вот это уже деловой разговор. Лорд Гюстав Дорион, маркиз, в течение двух лет служивший при дворе его величества и зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны.

– Это что, тот, который должен завтра приехать якобы к вам в гости? – возмутилась таким вероломством Мирейя.

– Он самый, – подтвердил герцог. – И почему «якобы»? Он действительно будет моим гостем. А одновременно и вашим женихом. Одно не отменяет другого.

– Идите к черту!

– А что вас так сразу не устраивает? – Характер Мирейи был, возможно, и более взрывным, но ее брат тоже начинал распаляться. – Хотя бы послушайте, что собой представляет этот человек, вы же ничего о нем не знаете! Я, между прочим, не изверг и подобрал для вас весьма неплохую партию.

– Предполагаю, что она неплоха в первую очередь для вас! – рявкнула Мирейя.

– Да, для меня тоже, и что? – герцог также повысил голос. – Одно другому не мешает! Так вот. – Он попытался взять себя в руки и заговорил тише: – Лорд Дорион богат, знатен, сравнительно молод.

– Сколько ему? – осведомилась Мирейя.

– Тридцать шесть. – Конрад продолжил говорить, старательно игнорируя фыркание своей сестры. – Как я уже говорил, он хорошо зарекомендовал себя при дворе. У него незапятнанная репутация. Он не пьянствует, не увлекается сиреневым порошком, не транжирит деньги, не устраивает оргий.

– Лучше бы устраивал, – брякнула Мирейя, чем заслужила крайне неодобрительный взгляд своего брата.

– Кроме того, маркиз весьма хорош собой. – Герцог сделал над собой усилие и продолжил говорить так, словно не заметил неуместной иронии сестры. – Ведь это имеет для вас значение, не так ли? Так вот, я позаботился и об этом. Более того – полагаю, и это вам важно будет узнать, – по слухам, он весьма хороший любовник.

– Я не выйду замуж за человека по вашему выбору, – от-

чеканила Мирейя.

– Ах, так? Вам опять все не нравится? – расвирипел Ко-
нрад.

– Представьте себе, нет!

– В таком случае вас никто не собирается спрашивать!

– В таком случае вас тоже!

– Имейте в виду: завтра приезжает жених, а через три
недели состоится свадьба!

– Надеюсь, свадебная фата будет вам к лицу!

– А сразу после свадьбы вы отправитесь во дворец своего
супруга и впредь будете трепать нервы уже ему!

– Убирайтесь из моих покоев!

– С радостью. Я сказал вам все, что собирался.

И герцог покинул комнату, напоследок громко хлопнув
дверью.

Выждав для верности пару минут, мы с Илоной устреми-
лись в гостиную.

– Вы это слышали? – возмущенно воскликнула Мирейя.

Несколько рыжих прядей выбились из прически, прида-
вая девушке взъерошенный, пожалуй, даже слегка демони-
ческий вид. Ее волосы вообще было гораздо легче растрепать,
чем уложить.

Мы утвердительно кивнули. Про соседнюю комнатку с
щелью Мирейя хорошо знала и нередко специально устраи-
вала встречи «с глазу на глаз» именно здесь, чтобы кто-ни-
будь из фрейлин мог подслушать разговор.

– Это же произвол! Это... это наглость, которая не имеет границ! Что он о себе возомнил? И кем он считает меня, своей рабыней?

– Скорее младшей родственницей, – попыталась сгладить острые углы Илона.

– И на этом основании он думает, что вправе распоряжаться моей жизнью?

Глаза Мирейи гневно сверкнули. Попытка сгладить углы не прошла, напротив, они ощутимо выпирали, наподобие ребер давно голодающего человека.

– А вы подождите все-таки до завтра, – предложила Илона. – Мало ли, вдруг он вам понравится?

– Быть такого не может, – убежденно заявила Мирейя.

– А все-таки представьте себе, – настаивала фрейлина. – Вот входите вы в зал, и тут он, буквально принц на белом коне, так прямо на этом коне в зал и въезжает. А потом конь задирает хвост и... Да, романтические истории – не моя сильная сторона, – развела руками Илона. – Но я все равно считаю, что надо сначала взглянуть на жениха, а уж потом начинать сердиться.

– Очень даже сильная, – не согласилась Мирейя. – Ты все правильно описала. Я уже даже начала чувствовать запах. Именно так пахнет вся эта история!

– Вот ведь негодяй! – процедила я, качая головой.

– А, ты видишь, видишь? – тут же подхватила Мирейя. – А я всегда говорила: мой брат – законченный мерзавец!

– Да я не про вашего брата, – отмахнулась я. – Нет, он тоже, конечно, вредитель порядочный. Но я готова поспорить, что столь блистательная идея со свадьбой принадлежит не ему.

– А кому же?

– Кэмерону Эстли, конечно.

Лично мне это казалось совершенно очевидным.

– Ну, не перегибай палку, – с сомнением протянула Илона. – Ты не можешь знать этого наверняка.

– Еще как могу. Герцог – при всем уважении к вашему брату, – покосилась я на Мирейю, – соображает не слишком быстро. Нет, я не называю его глупцом, он по-своему умен. Но его ум, как бы сказать... несколько неповоротлив. Свежие идеи, умение найти неожиданный выход из ситуации – не его стихия. Для этого у него есть Эстли. Вполне вероятно, что жениха действительно подбирал герцог, но именно Эстли подал ему мысль избавиться от вас подобным образом. И вот это, – я устремила уверенный взгляд на Илону, – я знаю наверняка. Так бы и расцарапала лицо мерзавцу.

– А я заодно – моему братцу, – подхватила Мирейя.

– Ну ладно, коль пошла такая пьянка, то и у меня есть во дворце пара-тройка человек на примете, кому я не прочь подправить внешность.

Поняв, что успокоить нас не удастся, Илона сменила тактику и решила разделить наш кровожадный настрой.

– Не беспокойтесь, леди Мирейя, – воинственно заявила

я, — вы не выйдете замуж за этого маркиза. Я костыми лягу, но свадьба не состоится!

— Спасибо, Несси! — Мирейя растроганно заключила меня в объятия. — Я знала, что всегда могу на тебя положиться.

Намерение герцога выдать Мирейю замуж, не спрашивая на то ее согласия, чрезвычайно взволновало меня и разозлило. Причина столь эмоциональной реакции заключалась не только в моей заботе и искреннем сочувствии Мирейе, но и в моем более глобальном отношении к бракам по принуждению. А основано это отношение было на личном опыте.

Когда-то, по моим ощущениям, давным-давно, но в действительности лишь четыре года назад, родители надумали выдать меня замуж. Не так чтобы они стремились от меня отделаться. Я, в общем, и так им не слишком мешала. Сколько себя помню, они жили своей жизнью, а я своей. Меня фактически воспитала кормилица; среди заменивших семью людей, щедро делившихся со мной душевным теплом, были еще некоторые слуги, а также наш кастелян. Последний на некоторое время стал для меня своего рода подобием не то дяди, не то старшего брата; с ним я могла поговорить на отвлеченные темы и обсудить интеллектуальные вопросы, которые слугам были не слишком интересны, или книги, каких они не читали. Родители же всю дорогу находились рядом, но скорее в образе неких дальних родственников, они появлялись, улыбались, говорили между делом пару слов и снова

испарялись. У них были свои дела: карточные игры, балы, скачки, да мало ли что еще. И самое главное – такой образ жизни всех устраивал, так что тут я как раз не жалею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.